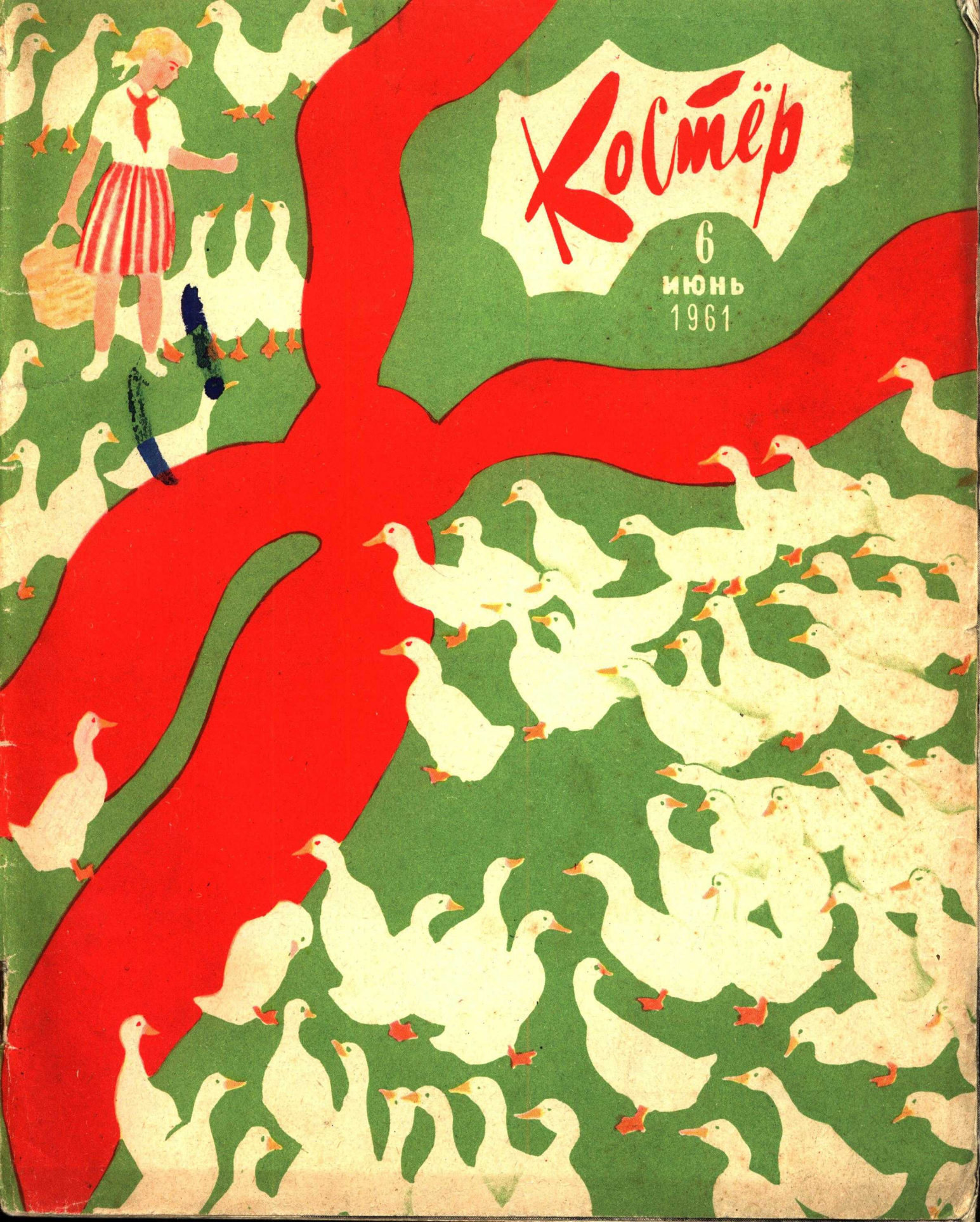

Космёр

6
ИЮНЬ
1961

Костёр

6
ИЮНЬ

1961

Ежемесячный журнал

ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета Всесоюзной
пионерской организации
имени В. И. Ленина

Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ РАССКАЗЫ, ПОВЕСТИ, СКАЗКИ

«РАЗВЕДЧИКИ» Я. Длуголен-
ского, «ЧЕРНАЯ БУТЫЛКА»
К. Золотовского, «САМАЯ ЛУЧ-
ШАЯ ПЕСНЯ» А. Ливеровского,
«МУХА АЛАТУРА» В. Суслова,
«ТИХИЙ ОМУТ» В. Козлова

*

ОЧЕРКИ

«ОБЫКНОВЕННЫЙ» В. Кислен-
ко, «БАРАБАН» М. Данини,
«УТКА НЕ ШУТКА» А. Шейкина,
«ЧЕТВЕРТОЕ ВТОРЖЕНИЕ»,
«ГАЛЯ НАЗАРОВА — ВИЦЕ-
ПРЕЗИДЕНТ» З. Гинзбурга,
«КИШИНСКИЕ СЕКРЕТЫ»
В. Любицкой, «УЛЬТРАЗВУК
ЗАСТАВИЛИ...» И. Квятковский

СТИХИ

«ПРО КОНФЕТЫ» Б. Копалыгина,
«СЛУЧАЙ В ЛЕСУ» А. Шibaева,
«АЙОГА» В. Дубовки

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ?..

*

МОРСКАЯ ИГРА

*

ЗА РАБОТУ, УМЕЛЬЦЫ!

*

НЕСКУЧАЙНИК

*

Рисунок на обложке Н. Кострова
На 2-ой странице обложки
фото Б. Ритова
Фото на титуле Б. Уткина

В туннеле

Лев Мочалов

Рисунки Ю. Данилова

Провожают мамы
Владиков и Вить.
И минуток

мало

научить их

жить.

— Не балуйся, Вася,
кушай хорошенько!

— Слышишь,

одевайся
потеплее, Женечка!
Вафли на дорожку.
И не надо слез.

Это — понарошку.
Это — не всерьез.
Оркестранты строим
на платформе узкой.
Будто бы

героям,

выдувают музыку.
Флаги развеваются,
и денек погожий.
На шекастых зайцев
трубачи похожи.
Боевой играют
марш.

и с этим маршем
надлежит от края
отойти мамашам.
И состав упрямо
проплывает мимо

них.

— До свиданья,

мама!

Рыбок

покорми моих!

...Стихнет

понемножку

перестук колес.

Что-то понарошку,

Что-то и всерьез.

ОБЫКНОВЕННЫЙ

В. Кисленко

Учительница Елена Федоровна Лунова рассказывает:

— Озорной мальчишка, русоголовый, с челкой набок. Когда смущался, забавно шмыгал носом. Любил задачи-головоломки, и сам их придумывал: «Один самолет летит, другой его догоняет...»

В его тетрадках часто появлялись рисунки самолетов, под которыми стояло короткое, написанное крупными буквами слово ЯК.

— Как-то приходит в учительскую возмущенный человек и жалуется, что из окна нашей школы ему на голову свалилась модель. Я — к себе в класс: кто сделал? Встал Гагарин Юра, шмыгнул носом и с огорчением заявил, что по всем расчетам его самолет не должен был приземлиться так близко.

Домик Гагариных в Гжатске.

Этот Гагарин Юра и без того бредил авиацией. А тут еще в школу пришел новый учитель, Лев Михайлович Беспалов. Он тогда только что вернулся из армии и носил летную форму — синий китель, галифе, фуражку с кокардой.

— Помните, Лев Михайлович, те времена?

Беспалов перелистывает журнал класса, где учился Юрий.

— Да, здесь он пока не отличник. Время было трудное, послевоенное. Школа стояла на подпорках, ни парт, ни учебников. Но ребята и учились и успевали помочь взрослым. Помню, как Юра принес из лесу куст акации и посадил около училища. И ельник в конце Московской улицы тоже помогал сажать...

„НУ, ПОЕХАЛИ“

Человек откинулся в кресле, застегнул ремни, сказал в микрофон: «Ну, поехали». И поехал. И съездил.

Сколько раз еще повторит мир его предстартовые слова, и подивится их обыкновенности, и вспомнит, какой ценой далась эта простота!

Два будничных слова. Пять слогов, девять букв. Как рождались они, как складывались — к букровке букровка?

Начало штурма. 1957 год, четвертое октября.

В этот день исполнилась мечта Кибальчича и Циолковского. Взвился в небо первый советский искусственный спутник Земли.

Он был маленький, сравнительно несложно устроенный. Но он открыл дорогу будущим многотонным кораблям. Он мчался по заоблачной орбите на скорости восемь километров в секунду. Он сигнализировал: «Бип, бип, бип...»

Топливо, двигатель, системы управления и связи держали и выдержали первый экзамен.

лететь с Земли непросто. Еще сложнее вернуться назад.

От раза к разу возрастал вес искусственных спутников. Всё более сложные устройства несли они на себе. Но по-прежнему звучали строки сообщений ТАСС: «...Прекратил свое существование, войдя в плотные слои атмосферы».

А тем временем отработывались и проверялись способы торможения, уточнялись радиокоманды.

И вот девятнадцатого августа 1960 года на зеленый луг опустился на парашюте контейнер. Первое приземление состоялось.

Его на всё хватало. Авиация авиацией, но он совал нос всюду: занимался в школьных кружках, играл в оркестре при Доме пионеров, читал на концертах стихи, пел, работал в подшефном колхозе.

И за какое бы дело он ни брался, он старался выполнить его как можно лучше.

Вот что вспомнилось, например, Зое Демченко, его школьной подруге:

— Однажды после родительского собрания мы ставили литмонтаж. Я забыла слова и запнулась. Так Юра чуть не набросился на меня с кулаками: «Разве можно быть такой растяпой!»

Она же поведала тайну бывшего 6-а. Имелось у ребят любимое место, где они часто собирались, — у стога сена, во дворе пожарной команды. Там они часами разговаривали, мечтали вслух.

Юра залезал на самый верх стога и, зарывшись в сено, молча подолгу смотрел в темное звездное небо.

После шестого класса он поступил в ремесленное училище. Кончились детские забавы: игра в «жошку», набег на сады, ночная ловля раков на жареную лягушку.

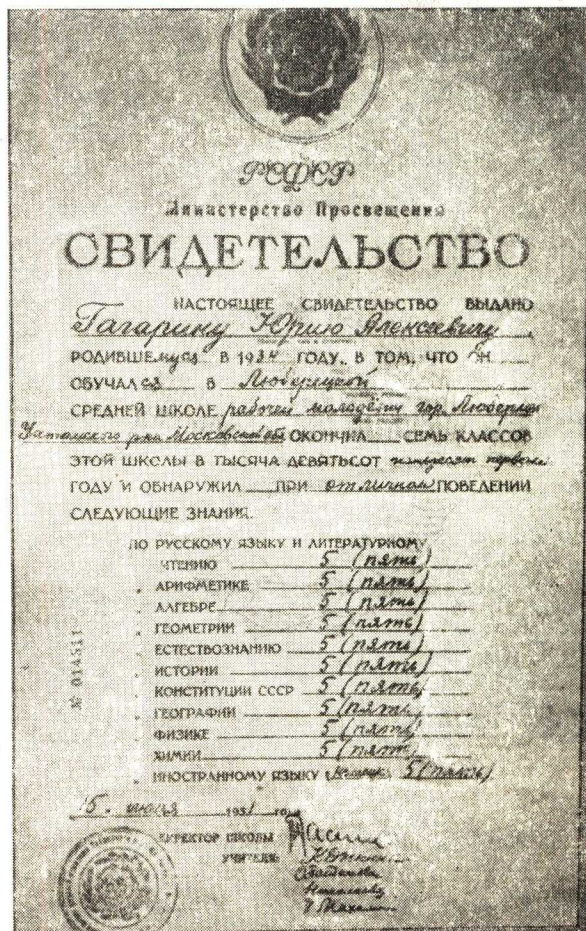
Но по-прежнему он начинал купаться сразу после ледохода. Всё так же любил спорт. Еще старательнее учился.

Саратовский индустриальный техникум, аэроклуб, авиационное училище в Оренбурге, и, наконец, — полет.

...Пожилая женщина разговаривает с журналистами:

— Когда узнала, что мой Юра в космосе, сразу же побежала на вокзал — ехать в Москву. Взяла билет, а сдачу в кассе оставила. До того ли — мой Юра полетел!..

Полмесяца минуло с того дня, а письма всё идут и идут. Из Москвы и Ленинграда, Одессы и Новосибирска, Варшавы и Праги.

лет в межпланетное пространство — задача со многими неизвестными.

Тепло или холодно там, на высоте? Как меняется магнитное поле? Насколько опасны метеориты и космические лучи?

Об этом с борта спутников рассказывали умные разведчики-приборы.

Они рассказали, между прочим, о том, что Земля окружена поясами повышенной радиоактивности. Находиться в этих поясах опасно, нужна сложная и громоздкая защита. И было решено: первые рейсы — не выше четырехсот километров, под «потолком» радиации.

особенно важно знать, как поведет себя в космосе живой организм, с его сердцем, легкими, мускулами, нервной системой.

Первый ответ на вопрос дала легендарная Лайка. За ней полетели Белка и Стрелка, Пчелка и Мушка, Чернушка, Звездочка.

Биологи следили по радио за первыми космическими пассажирами, наблюдали за их поведением на телевизионных экранах.

И выяснили: лететь можно. Ничего неприятного не угрожает.

Так начиналась летная биография Юрия Гагарина.

«Анне Тимофеевне Гагариной.

Поздравляю и горжусь великим подвигом Вашего сына. Желаю Вам, дорогая, долгих лет жизни, здоровья.

Персональная пенсионерка Мария Вадич».

«Гагариным.

Восхищены героизмом Вашего сына. Благодарим за воспитание. Желаем Вам здоровья, счастья и долгих лет жизни. Целуем Вас крепко.

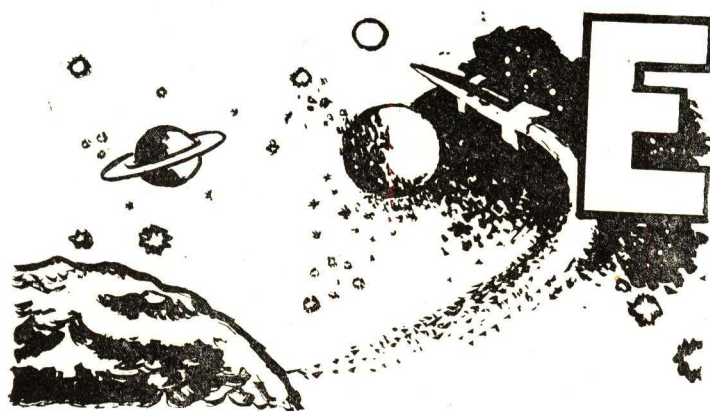
Семья Саблиных».

«Директору Гжатской средней школы.

От всего сердца поздравляем учителей и учащихся Вашей школы, которая воспитала миру Юрия Алексеевича Гагарина — героя, открывшего всему человечеству врата в космическое пространство.

Дирекция, учителя и учащиеся белорусского лицея в Биелке Подласки. Польша.

В школьном музее, на стендах, — документы и фотографии. Дипломы за победы в спорте, за хорошую общественную работу. Официальное письмо из части: мать Юрия благодарит за то, что вырастила настоящего воина.

Еще длились опыты, еще приборы и животные разведывали путь, а в Москву уже шли тысячи писем: советские люди просили доверить им честь первого путешествия в космос.

Не хотелось обидеть никого. Но серьезнейшее дело диктовало свои условия. Лететь первым должен человек молодой, волевой, крепкий, знающий.

Такой человек был выбран. Его имя сегодня мы знаем все.

Лежат тетради космонавта. Стоит пепельница, отлитая учеником ремесленного училища в подарок родным.

А вот отстуканный на машинке листок: решение райкома комсомола присвоить пионерской дружине Гжатской средней школы имя первого космонавта.

Ученики школы хотят жить и учиться по-гагарински.

Далеко ты пролегла, дорога обыкновенного смоленского паренька!

* * *

Время командировки истекло. Пора возвращаться. Но у меня есть еще одно дело — не в Гжатске, в Москве.

Отыскиваю в пригороде нужный мне дом. По лестнице, что вся в следах недавнего ремонта, поднимаюсь на пятый этаж. Звоню.

Дверь открылась, и на пороге — молодой человек в белой майке, в спортивных брюках и тапочках.

— Привет вам от земляков! Вас там очень ждут!

Он улыбается застенчиво.

— Обязательно приеду. Вот только станет чуть-чуть побольше времени...

Прошу его написать несколько слов читателям «Костра». Он берет с этажерки, заста-

«Космический» аппетит

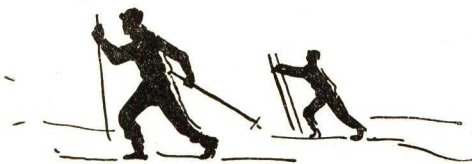

очешь лететь — готовься.

Лыжные кроссы, бег, штанга, футбол, баскетбол, акробатика. Обязательная утренняя гимнастика на шестьдесят минут.

В особой, специальной программе — прыжки с вышки, ныряние, плавание.

Совершенствуется умение владеть собственным телом, точность движений, выносливость, быстрота реакций, — то, без чего невозможно отправляться в звездный рейс.

пульт управления, на котором с завязанными глазами нужно отыскать любую кнопку или тумблер?

А неуклюжий скафандр — «костюм-кабина»?

А, наконец, космическая пища, которую выдавливают из тюбика, будто зубную пасту?

Нет мелочей. Ко многому надо привыкнуть. Многого усвоить.

Часами вращался будущий космонавт на карусели-центрифуге, испытывая действие ускорений; на площадке вибростенда приучал себя переносить тряску от работающих двигателей; на реактивном самолете взмывал в стратосферу по крутой дуге, чтобы хоть на миг изведать таинственное состояние невесомости.

вленной книгами, общую тетрадь, вырывает листок, пишет:

Желаю юным читателям
туризма "Космёр" закончить
учебный год только на хорошо
и отлично. Желаю Вам хоро-
шо отдохнуть во время летних
кашкул, набравшись сил и
с новой ещё большей жерстью и
упорством начать учёбу в
новом учебном году.

Гагарин
27.04.61.

Я смотрю на человека, который мужеством своим
проложил путь к звездам, и снова, в который уже раз,
думаю: какой обыкновенный!

И мне вспоминается письмо третьеклассника Вовы
Погодина:

«Дорогой Юрий Алексеевич! Когда Вы полетите еще
раз в космос, возьмите, пожалуйста, меня с собой!»

Разве сегодня вызовет у кого-нибудь усмешку эта просьба?

Вчерашние простые советские мальчишки творят чудеса на Земле и в небе. И нет со-
мнения, что и Вова Погодин сможет со временем полететь в неизведанные миры.

Ведь, как любил петь школьник Юра Гагарин:

«Когда страна быть прикажет героем, — у нас героем становится любой!»

Апрель 1961 года. Гжатск — Москва — Ленинград.

Снова на службу

юди разных и многих про-
фессий готовили его в путь.

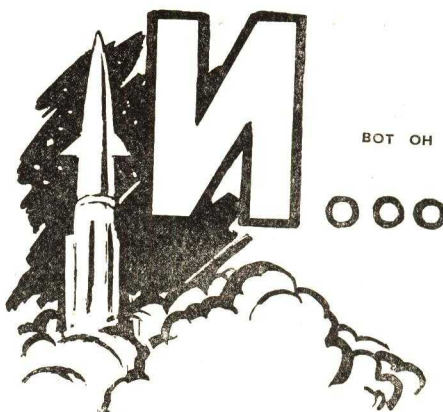
Математики вычислили
для него орбиту.

Радисты надежно связали
его корабль с Землей.

Металлурги выплавили
легкую броню-оболочку.

Химики недосыпали в ла-
бораториях. Спорили кон-
структоры. Трудились на
сборочных стендах бригады
коммунистического труда.

И сам он задолго до стар-
та стал пилотом-исследова-
телем, пилотом-ученым, со-
автором научных работ.

ВОТ ОН ЛЕТИТ.

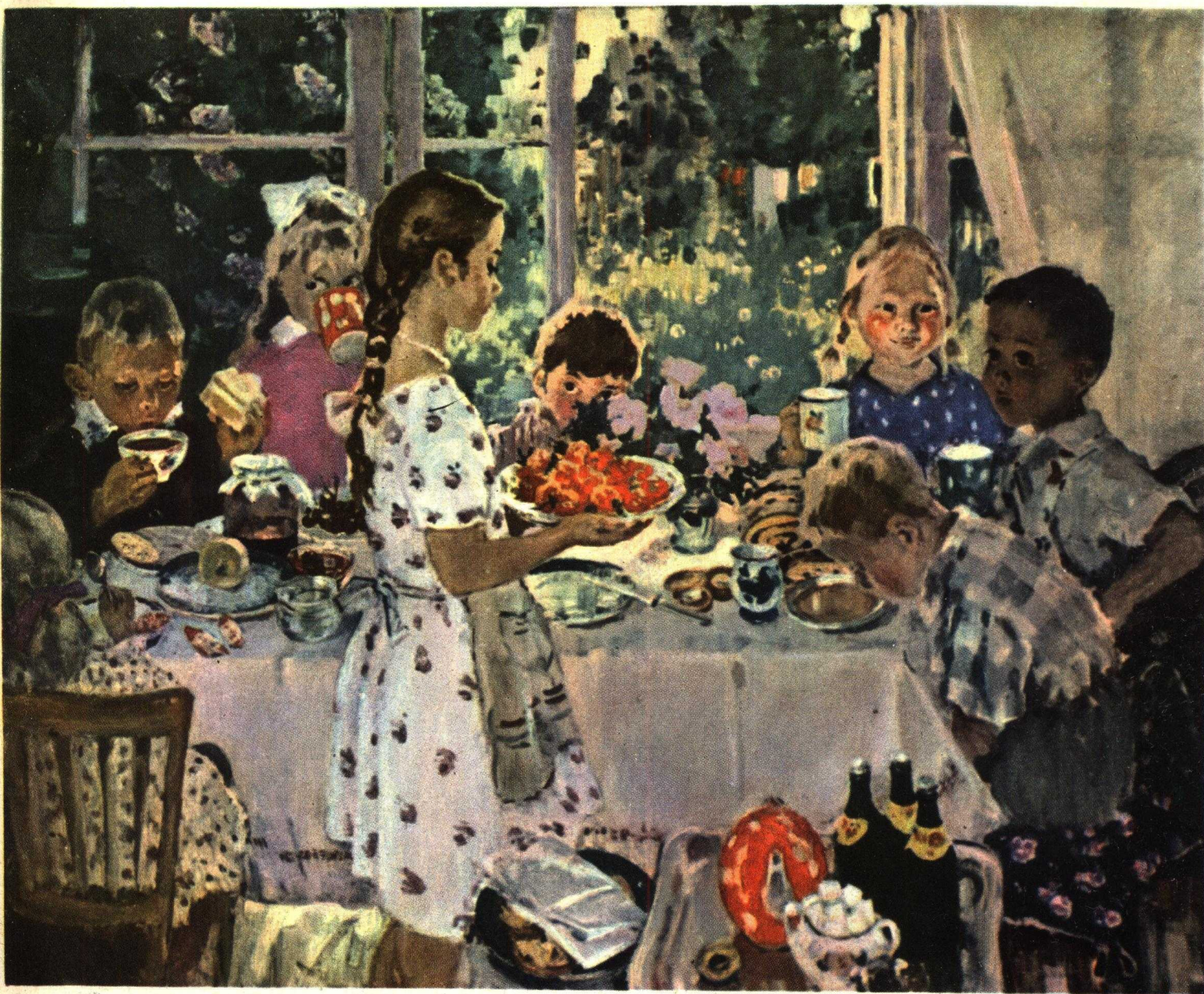
Он взял с собой в космос волю и опыт человечества, его пославшего.

Взял песни Земли, мечты Земли, ее надежды.

Взял герб своей Родины — серп и молот, скрещенные в солнечных лучах.

О тебе он думал, для тебя открывал межпланетную дорогу. Ты завтра пойдешь следом. И
тоже — с еще большим правом — скажешь перед стартом по-просту, по-домашнему:

— Ну, поехали!..

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

О. Богаевская

БАРАБАН

М. Данилин

Рисунок на обложке И. Харкевича

Тридцать семь лет тому назад в Ленинграде, в центральном городском районе, жила-была пионерская газета. Ее не печатали, а разыгрывали на сцене, потому что была эта газета не простая — «живая». И называлась она «Барабан».

Ребята сами придумывали стихи, сатирические песенки, веселые пьески и со своей боевой программой выезжали в школы и клубы, в деревни и на заводы.

Прошли годы, «барабанщики» выросли, стали взрослыми. Кто — рабочий, кто — инженер, кто — музыкант, кто — учитель...

И вот приезжает к такому «барабанщику» журналист и просит: — Расскажите, пожалуйста, о вашей живой газете!

Тот задумывается:

— Давно это было... Очень давно. Ничего не помню. Разве мы думали в те годы, что понадобится для истории пионерской организации?..

Тогда журналист готовит маленькую хитрость:

— А что если собрать всех «барабанщиков» вместе? Один припомнит, другие помогут, и...

Сказано — сделано. Летят телеграммы, звонят телефоны, идут почтальоны.

В доме на улице Воинова то и дело хлопали двери.

— Леня! Леня пришел! Сергей, здравствуй... Веруша!...

Если бы вы заглянули в комнату, вы не нашли бы там ни маленькой Веруши, ни юного Лёни. Вы бы с почтением назвали этих пожилых людей по имени и отчеству.

Долго в тот вечер не гас свет в квартире на третьем этаже. «Барабанщики» пели, галдели, хохотали... А ребята во дворе задирали вверх головы и удивленно смотрели на ярко освещенные окна, откуда неслась песня. Взрослые пели «Картошку»... Чудеса!

А чудес никаких не было. Просто воспоминания. Они приходили самыми неожиданными путями. Кто-то вспоминал слово, мелодию, забавный случай — и пошел разматываться клубочек, потянулась ниточка, то блеклая, то пестрая...

„У меня была тогда красная футболка, белые тапочки“

Веру разбудил отец и дал ей сверток. Она развернула газету и охнула: красная кофта и белые туфли... Да какая кофта! Она растягивалась, она прилипала к телу, облегалась его плотно, как кожа. А туфли были легкие. В них хотелось прыгать. В таких туфлях нельзя сидеть дома, и Вера побежала во двор.

На досках сидел Ося и читал. Он всегда что-нибудь читал, или давал прозвища людям.

Веру он называл «госпожой Чёлкой».

Ося прикрывал глаза ладонью. Он сощурился, посмотрел через кулаки, как в бинокль, в восторге покачал головой.

Вышли во двор Лиза и Ярик. Ярик сказал: — Ха, Верка в футболку вырядилась...

Лиза шепнула:

— Ой, как красиво!

Но тут звук, донесшийся с улицы, заставил всех забыть про футболку.

В те годы на улицах Ленинграда не было столько машин, как теперь. Даже на Екатерининском канале, возле Казанского, было очень тихо. Издали доносился звон редкого трамвая да цоканье копыт по булыжным мостовым.

А тут слышалась музыка, не оркестровая, но громкая. Слышен был стук, ритмичный и гулкий, да изредка дудела труба.

Вера, Ося и Ярик мчались через Полицейский мост. Там уже стояли люди. Они смотрели на ребят, которые шагали по мостовой, как демонстрация. Сегодня не Первое мая, не какой-нибудь праздник. А те шагали со знаменем. Знамя было сшито из неровных кусков и собиралось по шву. Лица у ребят были наспуленные.

— Может, кого-нибудь хоронят? — шепнула Вера.

Колонна приблизилась. Передние были одеты в белые-белые рубахи, завязанные лоскутами красной материи у ворота. Во втором ряду шагали мальчики, причесанные на пробор. Оба они были ослепительны. Оба барабанили. За ними семенил мальчик поменьше с большой и грязной медной трубой. Он часто надувал щеки, но звук из трубы вылетал не всегда. Голова мальчика тонула в буденовке со звездой.

„Ты забыл свое прозвище?

Хорошо, я напому:

Ярик!..“

Интересно смотреть на людей, когда они тебя не замечают.

Ходят ребята по сцене, произносят разные слова, размахивают руками, даже дерутся нарочно. Представляются.

Ярик сидит за портьерой, прикрыв рот ладонью, чтоб не захохотать.

Пионеры прошли мост и свернули на канал. Ося и Вера, не сговариваясь, шли по набережной за ними. Вот палисадник за высокой чугунной оградой. А дальше домина, громадный, красивый, совсем круглый. Он похож на Исаакий, только без купола.

— Это губфинотдел, — сказал всезнающий Ося.

Те, что шагали в колонне, остановились и разошлись по двору. Возле Веры оказался один из барабанщиков. Он устало вытирал пот со лба и снимал с себя тяжелый барабан. Потом улыбнулся Вере и спросил:

— Чего ты на меня уставилась?

— А вы — кто? — спросила Вера.

— Пионеры, — нетерпеливо ответил мальчик. Видно, его часто об этом спрашивали. — Пионеры — это союз...

К ним повернулся трубач и четко сказал:

— Пионеры — те, что забивают осиновый кол в гроб мировой буржуазии.

— А что у вас на шее? — Вера показала пальцем на галстук.

— Это кровь пролетариев!

Вера потонула в непонятных словах, а Ося солидно кивнул.

Тут к барабанщику и трубачу подошел высокий чернявый мальчик и сделал странный взмах рукой. Они ответили ему тем же. Чернявый оглянулся на Осю с Верой:

— Приходите к нам!

В первом ряду важно развалился кто-то. С виду взрослый, на нем потертая бархатная куртка и белый бант на шее. Очень противный тип. Все время прерывает ребят. Только те разыграются, он хлопает в ладоши, останавливает, чтобы поругаться. Ворчливый такой. Говорит тягуче, будто охает.

Ребята его не боятся.

— Не бузи, — говорят. — Это не пошлятина.

Это — как есть в жизни. И чего тебе надо, Борис?

— Плохо, — отвечает Борис, будто жалуется на сердце.

— Ну, вот это послушай, — просят его.

*Ходит Боб, задравши нос,
Курит, носит кольца.
Говорит молокосос:
«Стану комсомольцем!»*

Борис оборвал:

— Не так! Где логическое ударение в последней фразе? И вообще... Это плохие стихи.

— Почему плохие, чем плохие? — загалдели ребята.

— Надо выкинуть строчку с молокососом, — буркнул Борис.

И вдруг Ярик, сам не зная, как это вышло, крикнул:

— Самого тебя надо выкинуть! Крикнул и присел.

Кто-то спрыгнул со сцены, пошел к нему. Ярик кинулся бежать, но запутался в стульях и упал. Его поймали, привели на сцену. Вот когда он разглядел этого Бориса! Настоящий буржуй. И повадки у него буржуйские, и слова все буржуйские... Ярик вырывался из

рук чернявого мальчика с ресницами, как сапожные щетки.

— Пустите! — кричал Ярик. — Я же не убегу! Я же сам пришел, я хочу остаться!

Его отпустили.

— Как тебя зовут? — спросил чернявый.

— Ярик! — выпалил он свое прозвище. Ребята хохотнули. Тогда он поправился:

— Гоша...

— Что ты умеешь? — спросили его.

— «На бой Коминтерна»... Мы еще в нолевке учили. А потом могу «Мне грустно потому, что я тебя люблю». Меня бабушка научила...

Борис неожиданно улыбнулся: — Пусть споет.

Сутулая девочка села за рояль. Ярик запел. Он старался, чтоб голос звучал сильнее.

— Довольно, — остановил Ярика Борис. — У него есть слух, Ленья! — кивнул он чернявому.

— Все равно ты буржуй, — подумал Ярик и сказал:

— Я еще могу мотив на рояле подбирать... одним пальцем.

Все засмеялись.

— Примем его...

А Ленья вдруг спросил:

— Ты пионер?

**„Ленья, я удивляюсь,
когда ты мне протягиваешь руку.
Я привык тянуться перед тобой
и отдавать салют...“**

У Лени был голос, который всех заставлял затихать. Когда Вера повторяла за ним слова пионерской присяги, ей казалось, что ее собственный голос звучит так же громко и красиво.

Но замечательнее всего Ленья отдавал салют: он приподымал брови и подбородок, вытягивался и плавно, четко взмахивал рукой.

У Веры это плохо получалось. А у Ярки и того хуже: он словно убивал комара на лбу...

Как-то спешили они с Верой на базу губфинотдела, опаздывали на спевку. У самого

канала им повстречался незнакомый мальчик в галстук. Проходя мимо, он деловито, важно и красиво, как Ленья, отдал салют. Ярик потянул руку к голове, а Вера, сама не зная почему, приснула...

Мальчик оглянулся, покачал головой. Ярик остановился и сказал:

— Давай учиться, а?

Они разработали маршрут: один идет к мосту, другая — к воротам Губфинотдела. Потом поворачивают, идут навстречу друг другу,

отдают салют, расходятся, снова встречаются...

Долго ждали Ярика с Верой на репетицию

и не дождались. А они самозабвенно учились отдавать салюты: встречались и расходились, расходились и встречались...

**— Так что же
все-таки будет,
если
неудержимый носорог
налетит
на несокрушимую скалу?..**

Жаркий-прежаркий был день. Раскисли старые грибы. Заячья капуста закрыла свой зонтик-трилистник. Болота пересохли, и осока шелестела, как бумажная.

Хорошее лето, но очень жаркое. В походах тяжело. Пить хочется, да Ленья не разрешает. А если ты совсем засох, и язык во рту, как кусочек пемзы?..

Оська и Ленья идут впереди. Нельзя отстать от них Ярику, надо идти вровень.

— Передых! — крикнул Ленья.

Все полегли на траву. Ярик — рядом с Леньей и Осей.

— Загадку отгадаешь? — спросил Ленья.

— Давай! — отозвался Ярик.

— Что будет, если неудержимый носорог налетит на несокрушимую скалу?

— Носорог!

— Что носорог?

— Разобьет скалу!

— Так ведь она несокрушимая!

Ярик ожесточенно глядел на Ленью. Тот посмеивался. Ярик подозревал подвох.

— Па-а-адем! — закричал Ленья.

Поднимались, как раненые. Ноги заплетались, гудело в ушах. Когда прошли с километр, Ленья снова остановил ребят.

— Видите груды камней?

В стороне, заросшие травой, лежали булыжники.

— Взять всем по камню в рюкзак!

Остолбенели, но повиновались. А Ярик подбежал к развороченной груды и вытащил громадный, острый кусок гранита.

— Во!

— Да это целая скала, — усмехнулся Ленья.

— Ага!

— Ну... толкай свою скалу в рюкзак...

Ярик шел зигзагами. Рюкзак водил его из стороны в сторону и правил им. Лямки-ножи впилась в плечи, камень тер поясницу и скреб спину... Но Ярик шел. Он не отставал.

Бросить? Засмеют! Только бы дотянуть, в голове шумит...

— Ой, ему будет плохо, — тихо сказала Вера.

— Но ведь он неудержимый носорог! — хохотнул Оська.

Будто ушипнули Ярика. Он встряхнул свой гранит, согнулся, и побежал, засеменял ногами.

...Ленья смотрел, как все бредут, усталые, разморенные, как качаются на спинах ребят тяжелые рюкзаки. А потом самым зычным и труб-

ным голосом крикнул:

— Отряд! Рюкзаки снять!

И, выждав паузу, добавил:

— Камни выкинуть!

Рюкзаки снова взлетели на плечи. Но как они оказались легки! Да и дорога тоже! Солнце садится за деревьями, дышится легче, шагается бодрее. С таким вожатым не пропадешь!

Вот и поворот к лагерю. Кто-то затянул песню:

Барabanом наш живгаз зовется,

Дело для нас всегда найдется.

Мы умеем петь, умеем посмеяться,

Ну, а если надо, умеем крепко бить!

Овраг, поворот, мосточек, еще поворот — и пики палаток мелькнули за редкими соснами. Здравствуй, лагерь!

**„Щетка, мыло и вода
— наши
лучшие друзья!“**

У барабанщиков были тени. Тени, двигавшиеся сами по себе, исчезающие, когда ребята ложились спать. Тени безликие и пугливые.

Они появлялись обычно после полудня, таились в кустах и глазах.

Сколько раз Леня звал их к костру — они прятались. Им предлагали поест — они не отвечали.

И вот что случилось однажды. Утром пятнадцатого августа одна «тень» отделилась от сосны и подошла к навесу, где ребята завтракали. Ложки остановились на полдороге — все смотрели, как идет «тень» — белоголовая, босая, в рубахе без подпояски. На лице — черно-красный синяк...

Леня встал с места и пошел навстречу.

— Здравствуй, — как можно ласковее сказал он. — Как тебя зовут?

— Колюшка...

— Идем с нами кашу есть!

— Не-е, — прошептал мальчик, — мне по секрету...

Он потащил Леню за деревья, где сидели его собратья. Вернулся Леня гневный, рассерженный до предела.

— Его отец побил! И знаете за что? За то, что Коля почистил щеткой зубы... Надо навести здесь порядок!

— Даешь порядок! — гаркнул Ярик.

В тот день отменили прополку огорода, купанье и солнечные ванны. Все силы были брошены на «восстановление порядка». Работа кипела. Вспоминали старые шутки, на ходу придумывали новые, тут же обсуждали и репетировали.

— Я придумал, я придумал! — кричал Ярик. — Щетка, мыло и вода — наши лучшие друзья! Чисти зубы — не бойсь... Сохранишь их на всю жизнь!

Он слегка запнулся, чувствуя, что придумал не очень складно. Но тотчас же заорал:

— Подхватывайте: Также помнить, не забыть — с деревней крепче связь крепить!...

Вечером вернулся из деревни Леня.

— Комсомольцы дают нам старую ригу и обещают обеспечить явку на выступление...

Через час выстроилась колонна. Впереди Леня с барабаном, за ним Володя с горном, Вера со знаменем, Ярька с масками, Лиза с плакатом: «Крепи смычку с деревней». Понеслась песня:

*Вокруг костра трава росистая,
И сизый стелется дымок,
И с нами разговор речистый
Ведет вскипевший котелок...*

Эта песня удавалась лучше всех других. У Веры она всегда вызывала острое чувство восторга и единения.

С песней вошли в притихшую деревню. Сидевшие на завалинках бабы подымались с мест, глядели вслед, тянулись к риге. Там уже собрался народ.

Загремел барабан под сводами старой риги, заматались летучие мыши. Хором, без промедления, сказали ребята:

*Никогда и нигде не бывало,
Чтоб газета была без начала.
Слушай поэтому стар и млад,
Начинаем антре-парад!...*

Непонятные слова, убежденность актеров и их наглаженные рубахи — все произвело впечатление на зрителей. Затих зал. Смотрел на сцену и отец Колюшки, да вдруг поднялся с места и замахал руками, когда увидел, как наряженный в тулуп Леня избивает маленькую босую Веру за то, что она хочет чистить зубы. Замахал кулаками, зарычал, но на него зашикали, посадили на место. Концерт продолжался...

Я. Друголенский

Рисунки В. Голявкина

РАЗВЕДЧИКИ

Вожатый сказал: кто найдет знамя — пойдет к пограничникам. Всем хотелось попасть к пограничникам. Но мы-то знали, что попадем. А второе звено страшно волновалось. Дело в том, что у нас был Славка, а у них не было Славки. Наш Славка уже играл в игру «найди знамя».

— Им найти — раз плюнуть, — кричало второе звено. — Они Славку выпустят. У них Славка один справится.

Таня Кукушкина в обед отдала Славке компот.

— Уж ты, Слава, постарайся...

— Уж ты постарайся, Славка, — сказали ребята, тоже подвигая свои кружки.

— Мне столько не выпить, — признался Славка. — Я завтра допью...

Вечером, когда все уснули. Славка разбудил меня.

— Вставай!

— Рано еще.

— Вставай, говорю. Вожатый знамя пошел прятать...

Сел я на кровать.

— Не по правилам так, Славка.

— А к пограничникам — хочешь?

— Хочу.

— Тогда пойдем.

Выскользнули мы из палатки, крадемся. Тихо крадемся. Друг друга не слышим. Видим — вожатый. На плече лопата, под мышкой — сверток. Знамя.

— Видишь? — шепчет Славка.

— Вижу.

— Ложись тогда. Дальше по-пластунски по-ползем.

— Не умею я, — шепчу, — по-пластунски. Я лучше по-обыкновенному.

— Нельзя по-обыкновенному. Кто же ползет по-обыкновенному? Мы же разведчики!

Лег Славка на живот, и я за ним. Пополз он, и я ползу. Оба ползем. Славка впереди, я сзади. Пот глаза щиплет, штаны за кусты цепляются, а тут еще крапива под руки лезет. Но — терпим. Ведь — разведчики.

— Видишь? — шепчет Славка.

Где же мне видеть, когда Славкин сапог мне в нос упирается?

— Убери ногу, — шепчу.

— Сам убери.

Не стал я спорить — выполз из-за сапога да как чихну! Видно, крапивы нанюхался. И опять — апчхи!

Славка мне нос рукой зажимает. Глазами ворочает.

Замерли мы.

Вожатый дождался, посмотрел, снова копать принялся.

Запомнили мы место и к лагерю подались. Подходим — глазам своим не верим: вожатый на крыльце сидит. Улыбается нам.

— Пить ходили? — спрашивает.

— Пить.

— Ну, спать теперь идите.

— Здорово мы его, — шепчет Славка.

— Здорово.

Утром Славка привел нас в малинник.

— Давайте, — говорит, — сначала малину поедим.

— А знамя? — спрашивает Таня Кукушкина.

— Знамя от нас не уйдет, — говорит Славка.

Мы малину едим, а ребята в лесу аукаются — знамя ищут.

— Пусть, — говорит Славка, — попотеют. Это полезно.

— А я-то, — говорит Таня, — думала, трудная игра. Знай — ешь малину.

— И еще к пограничникам поедим, — говорю я.

Наелись мы малины, взял Славка лопату и прямехонько ведет на поляну. Огляделся — и лопатой о землю.

— Тут знамя.

Ребята рты раскрыли.

— Как, — спрашивают, — ты узнал?

Поплевал Славка на ладони, отвечает:

— Индуктивный метод.

Сидим мы. Славка роет.

— По простому методу бы не найти, — говорит Таня.

— Еще бы, — говорю я. — По этому методу угрозыск след без собак отыскивает...

Посмотрели мы на Славку, а он уже большую яму вырыл. Дальше рыть хочет.

— Не там, — говорю, — роешь. У того кустика рой.

— Сам рой, — говорит Славка и пот со лба утирает.

Я рыть начал. Потом — Таня. Потом — остальные ребята. Каждому хватило.

Вернулись мы в лагерь, а там — торжественная линейка. Второе звено знамя держит.

— Где были? — кричат.

— Где были? — спрашивает вожатый.

Что тут ответишь?

...Уехали все к пограничникам, а меня и Славку оставили. Подходит к нам вожатый.

— Ну, как дела, разведчики?

— Ничего дела.

— По-пластунски ползать научились?

— Научились.

— А картошку любите?

Переглянулись мы.

— Любим.

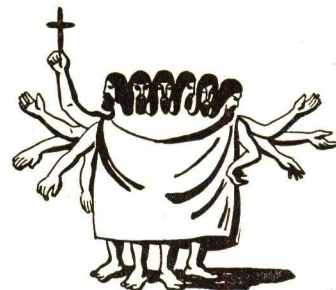
— Ну, тогда идите на кухню. Чистить картошку.

... что в июне 1959 года в Италии была обнаружена торговля детьми. Их покупали за гроши у безработных родителей и за огромные деньги продавали в Америке бездетным бизнесменам. Занималась этим «благотворительным делом» церковная организация.

... что в Библии, главной книге всех верующих христиан, ученые обнаружили около 3 тысяч противоречий. Библия полна таких нелепостей, что католические священники разрешают верующим читать из нее лишь отрывки.

... что если собрать вместе все моши Иоанна Крестителя, которые демонстрируются во многих церквах, то оказалось бы, что «святой» имеет 6 голов, 9 рук, 4 ноги и 7 туловищ.

... что в Сицилии раскрыта банда, которая грабила и убивала людей. Состояла она из 4 католических монахов, возглавляемых местным священником. Так на деле выглядит библейская заповедь «не убей».

... что у солдат фашистской армии на бляхах ремней стояло: «Gott mit uns» (с нами бог). Прикрываясь крестом и автоматом, фашисты сжигали города, расстреливали тысячи людей.

... что в сентябре 1959 года был злодейски убит премьер-министр Цейлона Бандаранаике. Убийцей оказался буддийский монах, член реакционной партии. Вероятно, монах действовал по принципу: не согрешишь — не покаешься, не покаешься — в рай не попадешь.

... что папа римский запретил верующим читать сочинения Бальзака, Дарвина, Гейне, Франса, Горького, Стендаля, Льва Толстого и многих других писателей и ученых. Расчет не нов: чем меньше люди знают, тем они лучше молятся.

... что у французских парашютистов, посланных на борьбу с народом Алжира, есть свой святой покровитель. Его имя Иозеф. Французские церковники благославляют колониальную разбой.

УТКА НЕ ШУТКА

Аскольд Шейкин

Фото
Н. Васильева

Нина Хамелянен

Поверьте мне, — обыкновенная домашняя утка — великое чудо.

Когда утенок только что вылупится из яйца, он слабенький, желтенький, маленький. Весит не более пятидесяти граммов. Но уже через полтора — два месяца вес его — два с половиной килограмма. В пятьдесят раз больше, чем при появлении на свет!

Никаким другим птицам не угнаться за ним.

Утка очень неприхотлива в еде. Ест все, кроме, пожалуй, железных и медных опилок — все, что ни дадут — рыбу и еловые ветки, отруби и картофель, водоросли и траву.

А каким положительным нравом отличаются утки!

Ходят они не торопясь, вперевалку, без дела не кричат и

не суется, очень привыкают к режиму дня. Когда они зимуют в утятнике, зажгите свет всего на пятнадцать минут раньше обычного, утки заметят это и придут в беспокойство.

Однажды в утятник зашла коза. Птицы испугались, и все три тысячи уток целых пятнадцать дней не несли яиц. Яйца перестали нести и те утки, которые не видели козы. Тысячи рублей убытка потерпел совхоз из-за визита рогатой гостьи. Вот как бывает с утками.

Но если ухаживать за ними хорошо и с любовью, — будет это сторицей оплаченный труд.

* * *

Ключ выбивается у подножья зеленого склона, — так

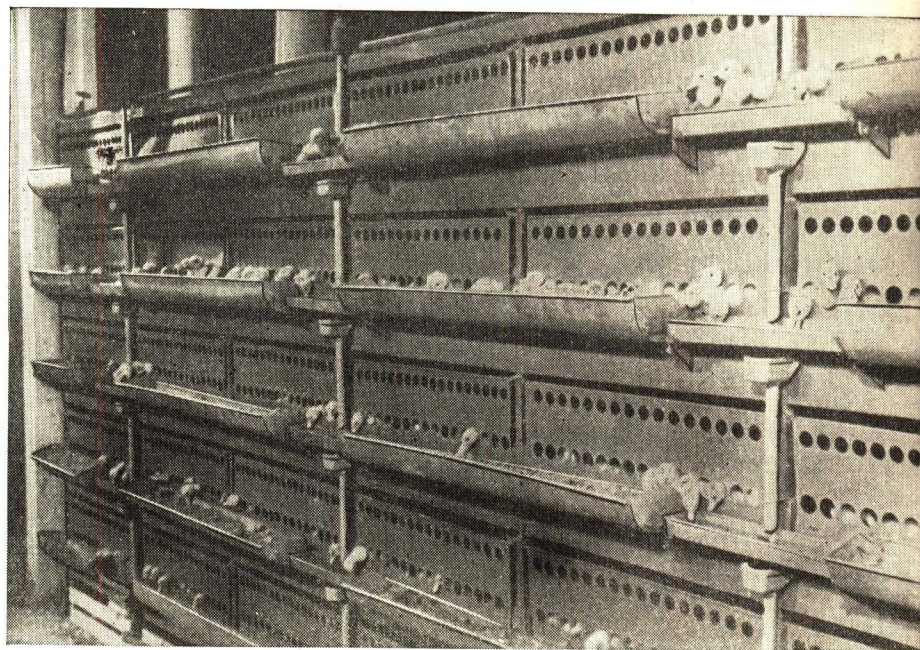
начинается речка Ижора. Там, где она становится полноводнее, по ней можно перевозить грузы, можно заставить ее воды вращать турбины, орошать поля. Но здесь, в самом верховье, это просто ручей. Кусты на склонах. Осока, камыш... Какая может быть польза от этого ручья, от этих земель?

Два года назад сюда пришли люди. Они построили небольшую плотину, разгородили долину ручья на загоны, соорудили легкие строения и навесы, проложили дорогу для вагонеток. И вскоре уже склоны Ижорской долины забелели, словно от снега — здесь поселились тысячи уток.

В совхозах и колхозах уток выводят в инкубаторе. В этом аппарате целых двадцать

восемь дней обогревают яйца теплым воздухом, время от времени выносят из инкубатора, обрызгивают водой, просматривают на свет, проверяя, хорошо ли идет развитие. Это труд вдумчивый и кропотливый. Наконец, наступает момент, когда в инкубаторе раздается писк маленьких желтеньких утят. Прощай, инкубатор!

Утят, впрочем, не сразу поселяют на улице. Сначала они живут в «батарежном цехе», в особых клетках, а затем через несколько дней утят переводят в брудер — теплое строение, откуда они лишь на время выходят на улицу. Только на пятнадцатый — двадцатый день утят отправляют в летний утиный лагерь. В верховье речки Ижоры, неподалеку от Ленинграда, на землях птицефабрики «Скворицы» есть такой лагерь. В нем два участка. В каждом, примерно, по двадцать тысяч утят. Один — это участок Павла Федоровича Соколова, человека очень деятельного, заботливого и сравнительно немолодого уже. А на другом участке утководом работает Нина Ивановна Хямелянэн. Ей всего девятнад-

В батареежном цехе

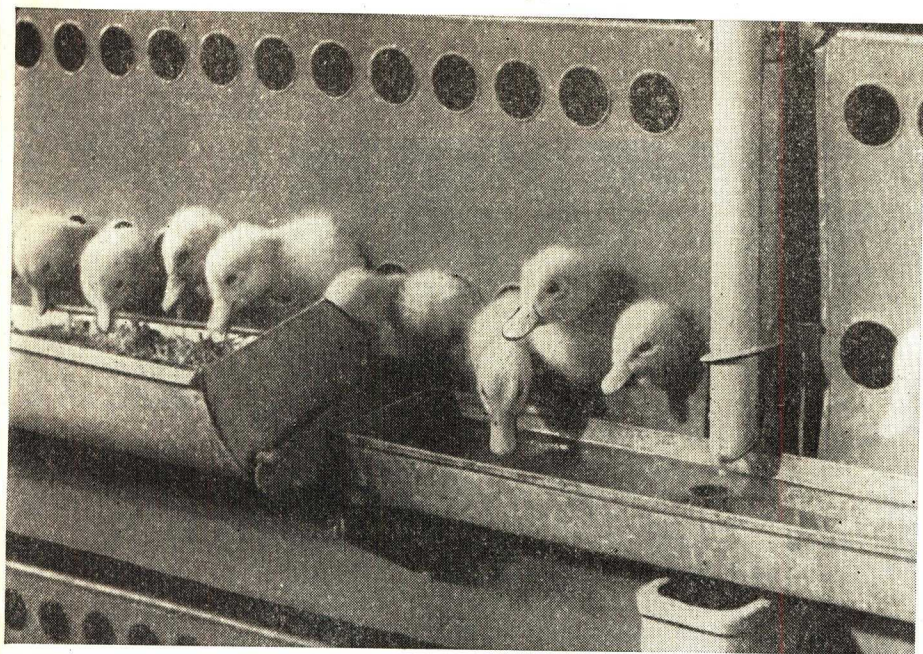
цать, она учится в школе рабочей молодежи, и обычно зовут ее просто Ниной, несмотря на то, что она — знатный утковод. Нина в прошлом году вырастила сорок восемь тысяч уток. Это свыше семидесяти тонн утиного мяса. По всей Ленинградской области ни один утковод не сумел обогнать ее.

Тайн у Нины нет никаких. Утят нужно хорошо кормить. Кормушки должны быть всегда полны. Четыре тонны кормов ежедневно раздает Нина своим питомцам. Ее утята никогда не голодают. Но так ведь стараются делать почти все утководы!

А у всех ли утководов так удобно распланирован участок, как это сделано в «Скворицах»? Везде ли сооружена такая простая дорога с жердями вместо рельсов, по которой лишь одна лошадь успевает развозить весь утиный корм? Везде ли построены навесики для защиты утят от дождя. Везде ли устроены сходни, чтобы утята легко выходили из воды?

Летний лагерь

Первый обед в жизни

Под началом у Нины во много раз больше утят, чем это обычно бывает у птичниц, а труд ее так налажен, что она может почти все свое время тратить на главное — на то, чтобы заботливо наблюдать за утятами.

В летний лагерь утят привозят маленьких и беспомощных.

Когда в первый раз их выпускают на землю, утята ошалело вертят головенками, как бы спрашивая: куда бежать? Потом одни бросаются к воде, другие — к кормушкам, третьи — бестолково мечутся, не разбирая дороги. И вот тут им особенно нужна помощь. Ведь утята очень разные. Одни посильнее, другие — посла-

бее. Шустрый оттолкнет от кормушки спокойного, и тот останется голодным.

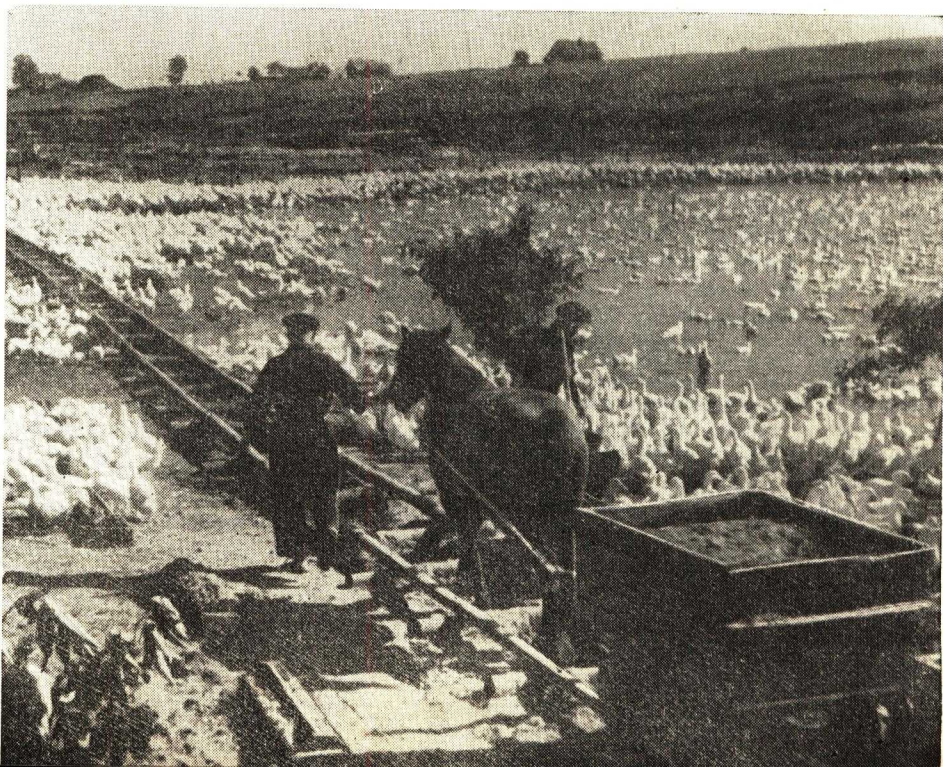
Целый день ходит Нина по участку, отыскивает слабых утят и относит их в отдельный загончик. Там они смогут без толкотни есть. Мера очень простая, но благодаря ей слабые

утята быстро догоняют в росте своих товарищей и вскоре уже возвращаются в общее стадо.

Утки любят воду. Однодневный утенок — и тот прекрасно умеет плавать, но дождь для него — смертельная опасность. Мокрый утенок быстро коченеет от холода, а главное — он задыхается, потому что дождевые капли наглухо закрывают его носовые щели. Из-за этих капель утенку становится нечем дышать, он как бы захлебывается, он тонет на суше! Нужно немедленно помочь ему, унести его под крышу, в тепло.

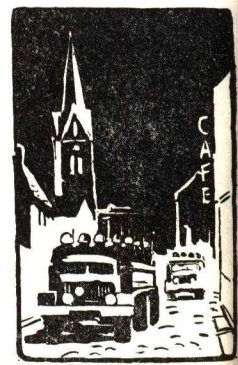
Конечно, ежедневно требуют помощи и здоровые, сильные утята. Нина заботится о них. С дробовиком в руках она защищает их от ворон; едва только начинается дождь, загоняет под навесы; следит за тем, чтобы даже сильные утята не слишком много купались в первые дни... А результат — сотни центнеров утиного мяса.

Вот как идет жизнь в летнем утином лагере птицефабрики «Сквирицы».

Везут корм

ЧЕТВЕРТОЕ

ВТОРЖЕНИЕ

1870 год. Армия Бисмарка захватила половину Франции, осадила Париж. Каждый день, защищая свою землю, гибли тысячи французов. В небольшой городок Мурмелон-ле-Гран на западе страны, неся разрушения и смерть, вошли баварские grenadiers.

1914 год. Опять земля Франции изрыта траншеями, опутана колючей проволокой. Германские армии Вильгельма вторглись в страну, дошли до Парижа. Тяжелые снаряды рвались на улицах Мурмелон-ле-Грана, снова вражеские солдаты зашагали по улицам этого городка.

1940 год. В третий раз Франция оккупирована. В развалинах и пепле окрестные села. По пустынным улицам Мурмелон-ле-Грана проносятся

на мотоциклах эсэсовцы, палят из автоматов по окнам...

* * *

И вот кинохроника наших дней.

По белому полотну экрана прямо на зрителей катятся немецкие военные грузовики. Печатают шаг маршеские роты.

Это снято в Мурмелон-ле-Гране. Это происходит сегодня. На французскую землю возвратились чужеземцы с оружием в руках.

В течение 1961 года тридцать пять тысяч западногерманских солдат и офицеров будут «маневрировать» во Франции. «Так нужно для вашей безопасности», — говорят французам. В Париже подписано соглашение о предоставлении недобрым гостям «учебного» пространства.

Аппетиты военщины известны. Не учебного — «жизненного» пространства потребуют завтра эти молодчики.

Вот почему возмущенно кричат зрители в зале парижского кинотеатра.

Вот почему на стенах домов Мурмелон-ле-Грана надписи: «Убрать солдат бундесвера!»

Возле дороги рабочие вкопали столб, укрепили на нем плакат: «Город Обуэ. Проезд и остановка на территории коммуны немецким войскам запрещены».

Идут на митинги бывшие фронтовики, участники движения Сопротивления.

«Вон отсюда!» — говорит оккупантам французский народ.

К. Золотовский

Рисунки Е. Савкевич

Помню все отчетливо, ярко, до мельчайших подробностей, как будто это случилось только вчера, а не год назад.

Освещенная багряно-малиновым заревом больших дугowych ламп моя рука в темно-зеленой водолазной рукавице держит черную бутылку с запалом гремучей ртути. В стороне змеится тонкий электрический шнур. Пузыри воздуха из пустотелого шлема, округляясь, вспучиваются, покрываются радужной пленкой, вырастают в сверкающие шары, ударяются о бронзовые светильники, гремят, подпрыгивают и звонко лопаются на потревоженной водной поверхности...

Две фигуры, охваченные страхом, встают предо мной. Это матрос с плавучего крана и молодой водолаз Миша Царев. Уже дважды кричу я матросу:

— Запускай мотор!

Но тот не отвечает на команду, втянул голову в плечи и не отрываясь смотрит на Царева.

А Миша пытается зачистить ножом блестящие, будто разрубленные с размаху острым топором, концы оборванного провода. Но руки водолаза дрожат, и крупные капли пота, как морские брызги на иллюминаторе, скатываются с бледного лица...

Никогда не забуду этот страшный случай!

Теперь я уже спокойно могу рассказать все, как было.

В тот день наш водолазный бот находился у перемишки котлована гидроэлектростанции, одной из крупных строек семилетки. Работы было много, но с самого утра меня огорчало легкомысленное отношение к делу двух моло-

дых практикантов — Миши Царева и Феди Косичкина.

Первым в воду пошел Миша Царев или, как он себя называл, Мишель, и застропил на грунте упавшую железобетонную арматуру. Плавучий кран ждал, когда водолаз выйдет из воды. Но Царев не показывался.

— Почему ты не выходишь? — спросил я.

Ответа не последовало. С водолазом что-то случилось, надо его скорее вытаскивать. Мы с Косичкиным потянули шланг и сигнал водолаза, но они где-то застряли. Сигнал кое-как распутали, видим — подается, а шланг и телефонный кабель не идут. Что делать? На помощь подбежали матросы с плавучего крана, как хватили разом, так и перервали телефонный кабель, привязанный к шлангу. Вытянули Царева на трап. Что же оказалось? Он специально запутал шланг и сигнал за концы трапа, чтобы его не беспокоили, решил отдохнуть на грунте, не выспался, вчера поздно пришел с танцев. Я крепко отчитал Царева и велел ему срastить порванный кабель.

Кран поднял арматуру, и в воду пошел другой молодой водолаз — Федя Косичкин, парень сильный, но неповоротливый, которого приятель прозвал «сундуком». Федя доложил, что очередная шпунтовая свая уперлась в толстое подводное бревно. Он принялся пилить бревно ножовкой, но так долго возился, что задержал работу всего участка. Я решил сам выяснить, как быстрее удалить препятствие.

Вместо пилы я взял с собой под воду железную скобу. Легкий, как дым, серый ил, потревоженный свинцовыми подметками, поднялся с грунта и осел на водолазные калоши. Ни

одна рыбка не подплыла ко мне, мы давно их тут распугали. Из-под сваи, как спина старого сома, чуть виднелось толстое темное бревно.

До чего же несообразительный Косичкин! Ведь пилить такое толстое бревно, да еще у самой сваи — занятие тяжелое и бесполезное. Единственно быстрый и верный способ — взрывчатка. Я встал на колени и начал копать под бревном ямку в грунте для заряда. Спрессованный с галькой песок заскрежетал под острым жалом скобы.

Поднимаясь из воды, я с раздражением думал: когда же ребята станут настоящими водолазами? Вот уже полгода, как мне прислали их из водолазной школы, а толку никакого. Косичкин старательный, но без смекалки. Царев — быстрый, сообразительный, но ленивый. Оба они делали работу «от» и «до», только в порядке приказа. Скажешь им: сделайте то-то — выполнят, не скажешь — пальцем не шевельнут. Чтобы предложить что-то свое, внести новое, — никто из них не стремился к этому.

Они пришли ко мне с ложным представлением о водолазном деле, как о подводном спорте. Им казалось, что они будут порхать под водой, словно мотыльки, а газеты опишут их подвиги и напечатают портреты. Они не задумывались над тем, что водолазная специальность одна из самых тяжелых мужских профессий, причем часто даже незаметная. Ты, невидимый для всех, в соленом поту, задыхаясь, копаешься, как слепой крот среди ила, где бессилен любой фонарь, наощупь заводишь стальной строп, пилишь незримой ножовкой и бьешь кувалдой, стараясь по звуку попасть в нужное место.

Или же работаешь на бешеном течении, почти без воздуха, весь обжатый подводным ураганом, который рвет, полощет тебя, если ты держишься за грунт, но только выпустил из рук ходовой конец с тяжелым балластом, — тебя выкинет, как пробку, на поверхность или расшибет о донный валун.

Где уж тут соваться аквалангисту, не закрытому плотной воздушной подушкой скафандра! А разве пойдет аквалангист в неисправный заводской колодец, узкий, темный, весь утыканный длинными гвоздями, чтобы освободить дно от двухметрового слоя грунта, да еще при этом умело закрыть и открыть тяжелые клинкет колодцевых заглушек! А если и пойдет он в колодец, то пользы от этого не будет никакой. Глубоко ошибается тот, кто думает, что аквалангист может заменить водолаза. Водолазное дело и подводный спорт — вещи совсем разные.

Чтобы приучить ребят внимательно отно-

ситься к своему снаряжению, я постоянно им твердил: «В нашем деле важна каждая мелочь». И однажды специально испытал их.

Мы спускались в водолазных рубашках с автоматическими клапанами. Перед спуском я спросил: все ли проверено? Ребята ответили: все! Но достаточно было Мише Цареву погрузиться, как он немедленно дал сигнал тревоги. Царева стало заливать водой. Его быстро подняли наверх. Ребята снова осмотрели костюм и увидели, что водолаза залило через автоматический клапан. Перед спуском я нарочно вытащил клапан, а сверху оставил только колпак с дырочками, знал, что на такую «мелочь» они не обратят внимания.

После этого ребята стали внимательнее относиться к снаряжению, но все еще оставались легкомысленными в работе.

Они с интересом слушали рассказы о старых мастерах водолазного дела, а опыта не перенимали. Я говорил, что их товарищи за хорошую работу получали премии. Но и награды не прельщали ребят.

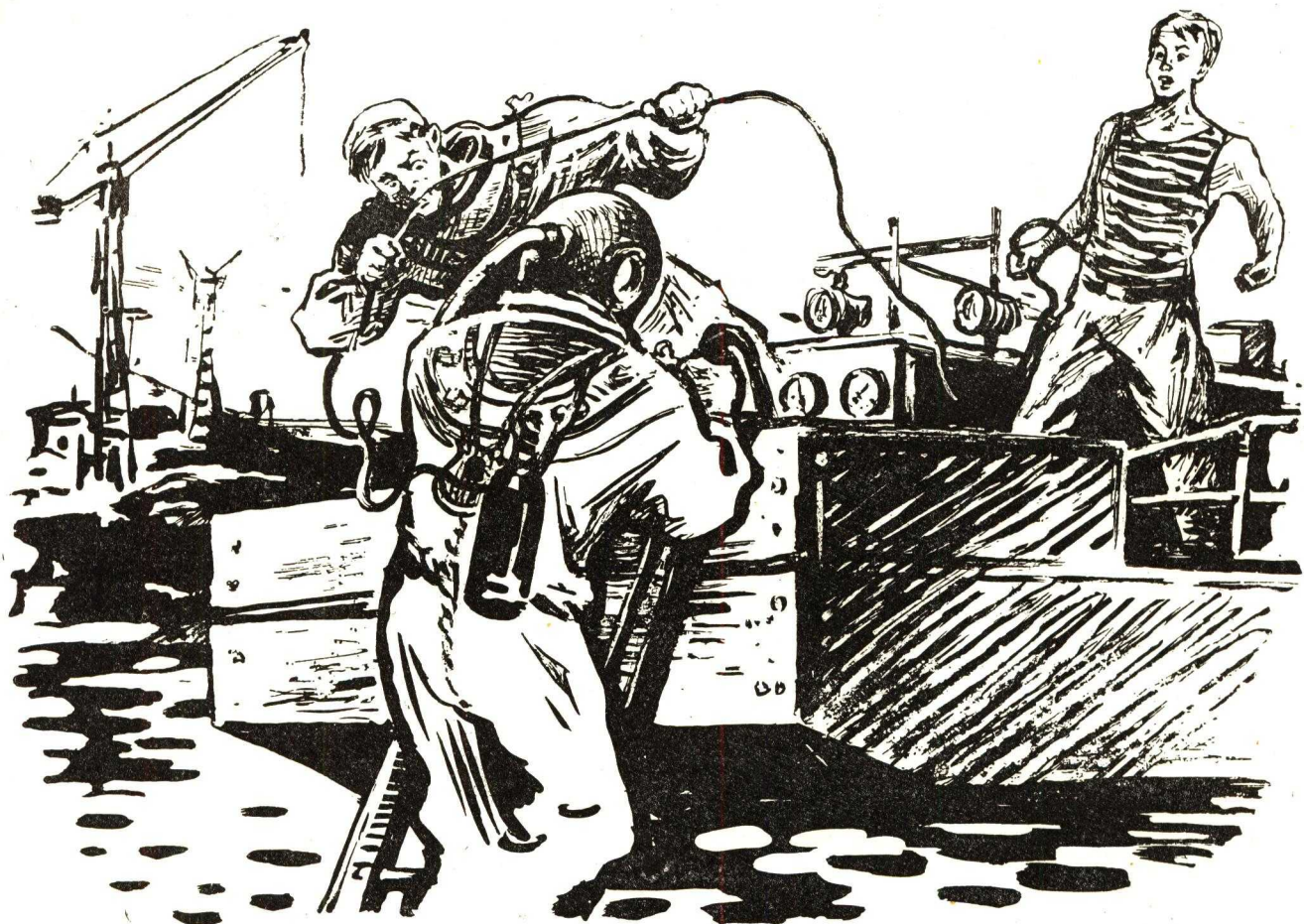
Сколько молодых водолазов ушли от меня мастерами своего дела! А этих я не могу даже приучить к порядку на водолажном боте. Вот и сейчас только я поднялся на трап и склонился грудью на темный от воды и ветра толстый дубовый планшир корабельной кормы, весь иссеченный стальными тросами, будто натруженная рабочая ладонь, как сразу увидел через стекло шлема, что на палубе бота опять беспорядок. Сигнальный конец и шланг не скручены в кольцо, которое мы называем бухтой, а мокрые валяются, как попало. Наушники и телефонная трубка, по которой мне только что насвистывал мотив ультрамодной джазовой песенки Миша Царев, теперь лежат у его ног, возле ящика подводного телефона.

Раздражали меня брошенные на палубе большие, не по размеру, грязные Мишины ботинки. Этими ботинками он умудрялся сразу протирать даже толстые шерстяные носки. А ведь на танцы, я видел, Миша всегда идет шеголеватый, подтянутый. Если бы он был таким же и на работе!

Окончательно взбесил меня в этот день Федя Косичкин.

Косичкину надо было отсоединить от маньшки мой шлем, осторожно, двумя руками, поднять его у меня над головой и положить на палубу, как гриб посреди корзины, в круглую бухту шланга. Казалось бы, чего проще. Но каждый раз Федя ухитрялся больно, до слез, поддеть меня медным ободком шлема за нос, а сейчас ударил по затылку.

«Сегодня же спишу Косичкина с бота», — со злостью подумал я.

Начальник строительного участка согласился на время взрыва приостановить работы у котлована. Я стал готовить заряд.

Из взрывчатых веществ на строительстве был мелинит — желтый порошок. Я взял литровую черную бутылку, которая лежала в рубке, вставил в нее до середины детонатор гремучей ртути с электрическим проводом, засыпал порошком мелинита, замазал горлышко специальной смолой, а вокруг обмотал изоляционной лентой для герметичности.

Косичкин, не получив от меня очередного разноса, почувствовал что-то неладное и поспешно сказал:

- Пошлите меня заложить заряд!
- А справишься?
- Справлюсь!

«В самом деле, — подумал я, — ведь положить заряд в готовую лунку дело нехитрое, не проверить ли парня последний раз?»

— Снаряжайся в воду! — сказал я Косичкину.

Передавая бутылку с мелинитом, я дважды предупредил Косичкина, чтобы он был очень внимательным, что такой заряд может не только превратить в щепки мотобот, но и вырвать каменную стену. В воде же, если заложить заряд правильно, с выносом взрыва наверх, он точно перебьет бревно.

— Все ли ясно?

— Абсолютно!

Вскоре он доложил по телефону, что заряд заложен и показался из воды.

Рабочие котлована удалились от места взрыва, и наш бот отошел подальше к берегу. Косичкин еще стоял на трапе и ждал, когда я сниму с него шлем, а начальник участка уже торопил нас. Миша бросился к взрывательной машине. Ему по-мальчишески хотелось самому скорее подорвать бутылку.

— Включать? — звонко крикнул он.

— Взрывай! — сказал я и начал отвинчивать стопорный винт на шлеме Косичкина. Обычно мы это делаем не глядя, вытянутой

рукой, а на этот раз как будто кто подтолкнул меня посмотреть. Я наклонился к стопору, и мороз пробежал по коже.

На спине у водолаза, сливаясь с цветом темно-зеленого тифтика водолазной рубахи, висела черная бутылка с мелинитом! Вот почему я до сих пор не люблю черных бутылок!

Неуклюжий Федя ухитрился подцепить ее проводом за крылышки медных барашков.

Нужно было немедленно предотвратить взрыв!

Я схватил тонкий провод и перекусил его.

— Почему нет взрыва? — кричал Миша из рубки. Я молча стоял, как задраенная на глухую гайку тяжелая водолазная помпа. Он торопливо выскочил, взглянул на меня и тревожно спросил:

— Что-нибудь случилось?

Я показал на спину Косичкина.

— Черная бутылка! — прошептал Миша и со страхом попятился от Феи.

Не дождавшись взрыва, на бот прибежал начальник участка. Я снял с Косичкина шлем,

раздел его, потом соединил провод, подорвал бревно и освободил сваю.

На другое утро я с удивлением увидел на редкость тщательно прибранную палубу мотобота. Это Миша впервые пришел раньше всех и так старательно потрудился. Еще приятнее поразила меня его собранность и деловитость. Больших старых ботинок не было и в помине. Наверно, он совсем унес их с бота.

И только к вечеру появился Федя Косичкин.

— Спишете меня? — мрачно спросил он.

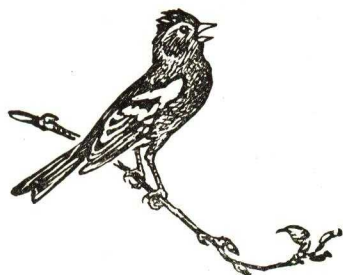
Я взглянул на молодого водолаза и подумал: «Если сейчас брошу Косичкина, то его не примут ни на один бот. Значит, — пропал па-рень!»

— Иди, работай!

Косичкин весь преобразился, глаза его радостно заблестели.

— Есть! — дрогнувшим голосом произнес он. Потом вздохнул всей грудью и твердо добавил:

— Теперь-то я больше не зацеплюсь! Вот увидите, буду настоящим водолазом!

САМАЯ ЛУЧШАЯ ПЕСНЯ

Глухарка сидела у опушки, на рыжей от вечернего солнца сосне.

На талом пригорке у озера запел Кроншнеп:

— Тюр-ли! Тюр-ли!

Томный голос с нежными переливами слышался далеко вокруг. Песня Кроншнепа понравилась всем, кто был в поле.

— О-ок! О-ок! Кок! — сказала Глухарка. — И это называется песней? Свист и ничего больше.

В хвойной вершине залился Зяблик. Бойкая трель с удачным росчерком на конце понравилась всем, кто был в лесу.

— О-ок! О-ок! Кок! — сказала Глухарка. — Вот так песня! Бульканье какое-то и больше ничего.

Над полями и лесами, у самого пухлого облачка, лил песню Жаворонок. Тонкий щебет, веселые посвисты заоблачной песенки понравились решительно всем и в поле и в лесу.

— О-ок! О-ок! Кок! — сказала Глухарка. — Ну и песня! Свист и бульканье, и больше ничего.

Из болотной глуши, от корявых сосен донеслись странные звуки. Кто-то потихоньку скрипел, скрежетал железкой по железке, постукивал сухими деревянными палочками.

— О-ок! О-ок! Кок! — обрадовалась Глухарка. — Слушайте все! Вот самая лучшая песня!

Но песня Глухаря понравилась только Глухарке.

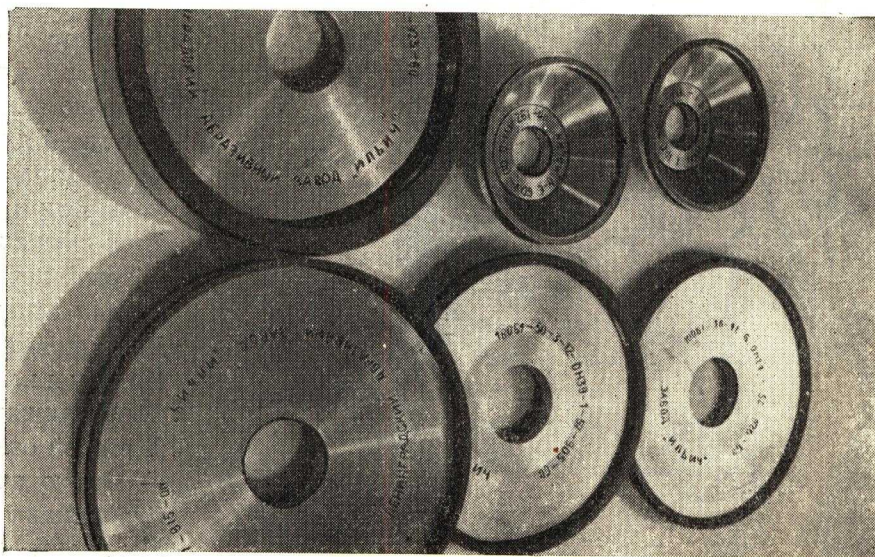
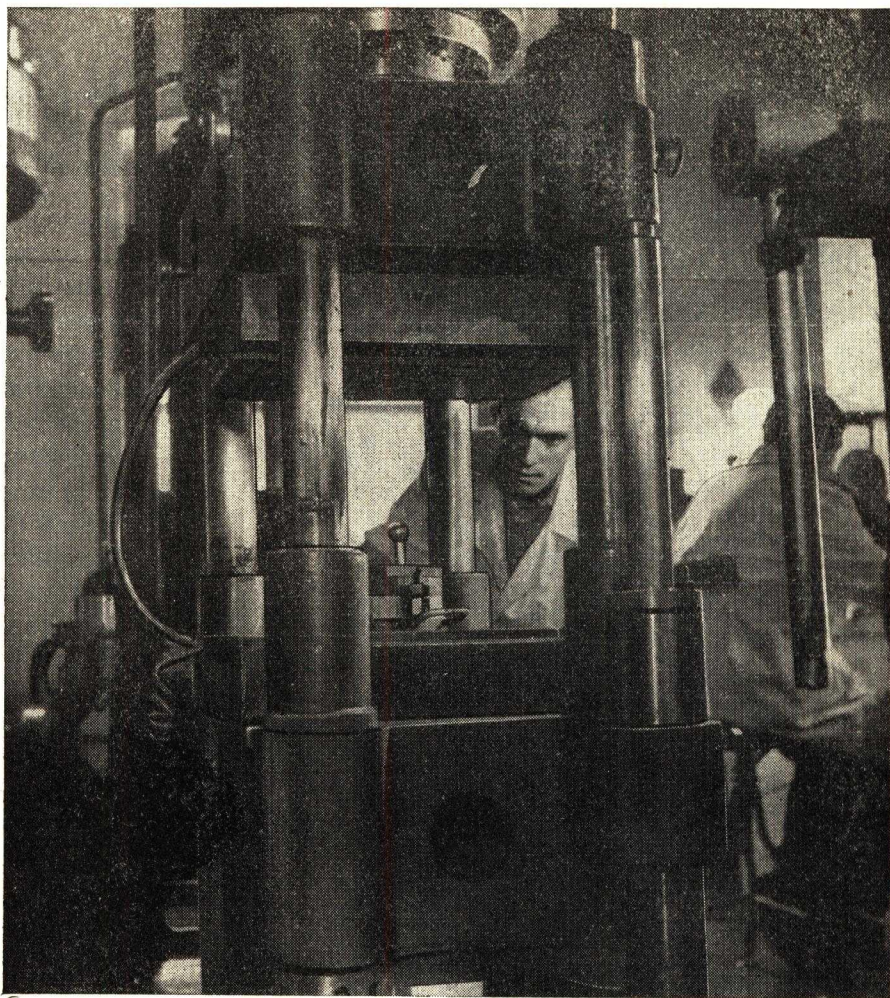
А. Ливеровский

ОКНО СЕМИ- ЛЕТКИ

Абразивные инструменты. В пластмассовом цехе — круглые и квадратные, в слесарке — веретенообразные, похожие на шарик или ступеньку, токарному участку нужны дисковые, на кожевенном заводе — ножевидные, а в лабораториях, где годами отделяются линзы для сверхмощных телескопов, — кольцевые.

Вы, конечно, видели обыкновенный круглый точильный камень, — пористый и немного стершийся? У этого камня множество «братьев» — им приходится обрабатывать и дерево, и стекло, и сталь — и все они называются одним именем — абразивные инструменты. Абразивные круги должны быть очень твердыми, и поэтому их делают из алмазного порошка. Алюминиевый диск покрывают алмазным порошком, скрепляют специальной цементирующей связкой — и вот инструмент готов. Но алмаз очень дорог. Круги из алмаза посылают только на самые важные заводы. Ученые нашли заменитель алмаза для абразивов — корунд, карборунд. Правда, эти материалы по твердости уступают алмазам, но зато дешевле и удобнее при обработке.

Во все концы страны завозят абразивные круги. И чем сложнее и точнее будет наша техника, тем больше потребуются кругов, шариков, ступенек — различного абразивного инструмента.

ПРО КОНФЕТЫ

Б. Копальгин

Рисунки А. Янус

Я раньше думал: карамель
Растет за тридевять земель
В одном лесу запретном
На дереве конфетном.
Его лишь только потряси
Или нагни за ветки —
И целый день ходи-соси
Подушечки-конфетки.
Но стережется этот лес
Усиленной охраной,
Чтоб кто-нибудь туда не влез
И не набил карманы.
Меня тогда терзала страсть
В охрану сторожем попасть.
Ходил бы я часами
По тропке взад-вперед,
И падали бы сами
Конфеты прямо в рот.
А нынче этим чудесам
Не верю я — их нету.
Я побывал однажды сам,
Где делают конфеты.

* * *

Не попал я в лес запретный,
А попал я в цех конфетный,
Сколько сладостей тут — страсть,
Вот где б я работал всласть.
Там в халатах белых дяди
Речь вели о шоколаде,
Я их слушал и молчал,
Головой порой качал.
Заявил один: — Мне надо
Две машины шоколада!
Получу я или нет
Сорок ящиков конфет?
А второй ответил строго:
— Что-то просите немного.
Сорок ящиков — ничто.
Мы дадим вам целых сто!
Тот чудака не согласился,
Этот взял да рассердился:

— Мне уже от тех конфет
На душе покоя нет.
Даже ночью я в постели
Вижу сон о карамели.
Я подумал: славный сон!
Только мне не снится он...

* * *

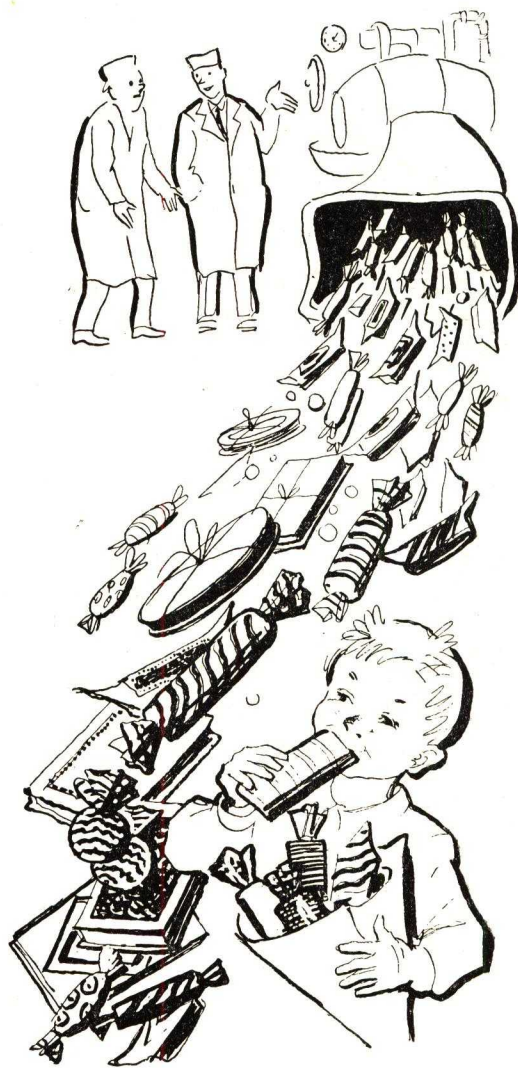
А потом мы посмотрели
На рождение карамели.
Побывали мы, ребята,
У машины-автомата.
Сыплет в ящик автомат
Карамельный сладкий град.
Карамель в котел ссыпают,—
Он, совсем, как карусель,
Долго в сахаре катает,
Кружит, вертит карамель.
И она для малыша
Без обертки хороша.

* * *

Приготовил мастер тесто.
Дал ему в машине место,
А машину лишь включай
И конфеты получай.
Тесто в жгут она свертела
И пустила в дело нож.
Дольки в фантики одела —
Так рукой не завернешь.
Как минута пролетела —
Сотни штук конфет берешь!
Любо глянуть на конфеты:
Все в костюмчики одеты.
Сам бежит большой толпой
В ящик «Ключик золотой».

* * *

Вот так славные гостинцы!
Сколько их! Не съешь за век.
Но до них еще мизинцем

Не касался человек.
Повезут их в магазины
Расторопные машины.
Полежат конфеты тут
И во все дома придут.
Не в коробке, так в пакете.
Не в пакете, так в кулке,
Не в кулке, так в кулачке
Понесут конфеты дети.
А из наших рук, друзья,
Им уйти уже нельзя!

Яхта „Костёр” снимается с якоря

— Эй, на яхте! Куда собрались?
— В дальнее плавание!
— Под парусом?
— Так точно!
— Почему такая суматоха?

— Команду еще не набрали, а скоро с якоря сниматься...
— Что же делать?
— Слушайте радиogramму начальника клуба:

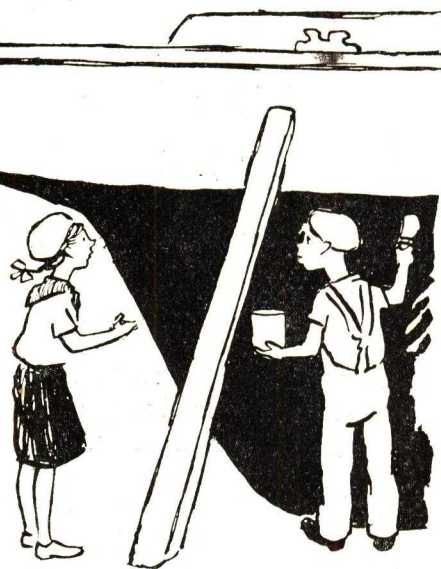
ВСЕМ ВСЕМ ВСЕМ — СРОЧНО СДАТЬ ЭКЗАМЕНЫ НА ЗВАНИЕ МОРСКОГО ВОЛКА — КТО ВЫПОЛНИТ ЗАДАНИЯ — КТО ПРАВИЛЬНО ОТВЕТИТ НА ВОПРОСЫ — БУДЕТ ЗАЧИСЛЕН В ЭКИПАЖ — ТОЧКА

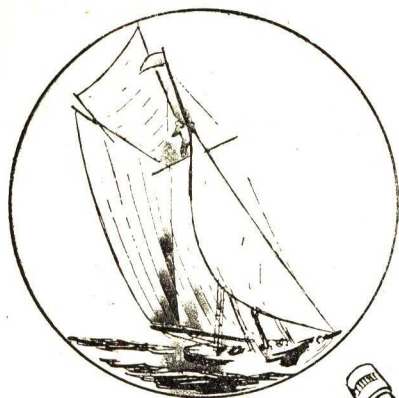

— Упустил одно весло! Как добраться до берега?

— Красишь подводную часть яхты? Вот чудак! Ведь никто этой красоты не увидит...

— Еще неизвестно, кто из нас чудак. Давай-ка у ребят спросим!

— Интересно, как называется парусное вооружение этой яхты?

— Не понимаю, что боцману надо? Сам велел Тузика привести, а теперь кричит: «Морского языка не знаешь!»

А вам понятно?

— Кто следующий? А ну-ка, попробуйте зачерпнуть водички и не полететь за борт!

— Что взять на яхту?

— Отдай якорь!
— А я его не брал...
В чем дело?

ПРИКАЗ № 1 ПО МОРСКОМУ КЛУБУ „НОСТРА“

§ 1. Свистать всех наверх!

§ 2. Перед строем экипажа прочитать письмо юных моряков из города Сухой Лог.

«Товарищи члены клуба! Володя Чирков говорит, что он начальник морского звена, а ребята с этим не соглашаются, потому что он уже командир снежной крепости. И потом Чирков не хотел показать нам азбуку Морзе...»

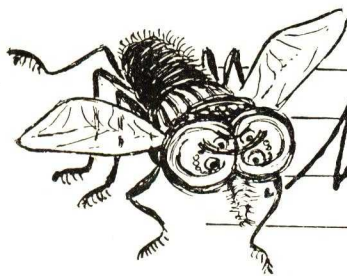
Объяснить Володе, что морякам не к лицу зазнаваться и жадничать.

§ 3. Зачислить юнгой на яхту «Костер» Юру Лысенко из Кривого Рога. Он выучил морские сигналы, умеет кататься на коньках, делает зарядку. Успехи в учебе хорошие. Так держать, Юра!

§ 4. Команде яхты не позднее 1 июля сообщить свои координаты в 7-й номер журнала.

§ 5. Ответы на задания и вопросы присылать в «Костер», мне.

Боцман Румпель

Муха Алатуры

В. Суслов

Рисунки Ю. Лобачева

Если бы вы только знали, как обрадовался И-тин! Да что И-тин! По всей школе колокольчиками звенели голоса:

— Вы слышали? И-тин получил письмо!

— Из Советского Союза!

— У И-тина есть русский друг!

И все бежали к И-тину, чтобы своими глазами взглянуть на это письмо. Ого, какое оно! Одних штампов на нем — раз, два, три, целых четыре! И-тин уже взялся за уголок конверта, чтобы осторожно разорвать его, но тут все закричали:

— Что ты делаешь?! Не порти конверт, его можно просто отклеить!

Перед ребятами лежал беленький тетрадный листок с неровными строчками незнакомых букв. Прочесть их не смог даже вожатый Ван.

— Не горюй, — успокоил он потупившегося И-тина. — Я сейчас отнесу письмо в институт, и наши ученые сразу его переведут. Всем классом читать будем!

В институте вожатого Вана встретил лаборант Чэн.

— Перевести письмо? — приветливо улыбнулся он. — Одну минуточку. Присядьте.

Лаборант Чэн положил перед собой чистый лист бумаги, раскрыл бутылочку с тушью, взял кисточку и начал быстро-быстро писать, заглядывая время от вре-

мени в письмо. Вскоре он кончил писать, прочитал перевод и задумался.

— Понимаете, — повернулся он к вожатому Вану, — очень сложная для перевода фраза. Вы извините, я сейчас позову аспиранта Ляо-мина. Он учился в Ленинграде и хорошо говорит по-русски.

Ляо-мин быстро прочел письмо.

— Что?! — удивленно взглянул он на лаборанта Чэна. — «Муха Алатуры»? Простите, товарищ Ван, вы можете подождать с ответом? Я хотел бы показать это интересное письмо нашему профессору Си Мок-шину.

На следующий день в кабинете профессора Си Мок-шина собрались представители самых различных наук. Здесь был известный академик-биолог, написавший немало книг о жизни насекомых, особенно мух, рядом с ним сидел профессор географии, у окна в кресле устроился доктор сельскохозяйственных наук. Присутствовали даже знаменитый архитектор и выдающийся спортсмен-олимпиец.

— Друзья! — открыл совещание профессор Си Мок-шин. — Я должен познакомить вас с одним письмом. Его прислал русский мальчик. В процессе перевода мы столкнулись с рядом вопросов и должны дать на них ответ. Вот это письмо:

Здрафствуэй дорогой низзвесный друг!

Ты живешь далеко в Китае, а я живу близко в городе Тунцзехенске. У нас все ребята переписываются и получают из заграницы подарки. Давай и мы переписываца. Печми, как ты живешь, а я буду писать, как я живу.

Я живу хорошо. Учусь в пятом классе и ещё занимаюсь в комнате предшнного дня. Наше звено получило первое место за сбор мух алатуры. Ещё я занимаюсь спортом. Плаваю на каньках катаюсь в лан-ту и потом ещё в шашки играю. Наш город очень красивый и дома стоят вокруг леса до самой Москвы. В полях у нас растут лен, алу-ры, картошка, много тракторов и камбайнов. Когда приходит весна они начинают удеть.

А как ты живешь? Как учишься? Наверно тоже хорошо? Печми мне песьмо.

Жду ответа как салавей лета!!! Досвидания

Твой друг

Виктор Фредорович Стригунков

Айога

Владимир Дубовка

Рисунки В. Фирсовой

Нанайская сказка

1.

Жил на свете нанаяц по прозвищу — Ла,
У нанайца дочурка Айога была...
Нет красивей ее, нет на свете милей.
Как узнала про это она от людей, —
стала так заноситься, что просто куда!
У нее зеркала отобрали тогда:
а не то все глядит на себя целый день,
за работу, за дело приняться ей лень.
Зеркала отобрали — ей мало беды,
убежит на ручей и сидит у воды.
Может день просидеть над зеркальной
водой,
целый день любоваться своей красотой.
Не придет, не поможет по дому родным,
а любитесь все отраженьем своим.

2.

Возле синего моря — глухая тайга...
Здесь могучий Амур бьет волной в берега.
Здесь нанайцы живут с незапамятных пор,
каждый с детства таежник, охотник, помор.
Не имеют нанайцы садов и полей,
ловят рыбу они, промышляют зверей.
Возле синего моря на взгорьях крутых
подрастает одежда и пища для них.
Много сказок сложили они на веку:
про таежных зверей, про большую реку,
про совсем молодых и про старых людей,
про невиданных птиц да про звонкий ручей.
Про девушку Айогу расскажет одна:
как от гордости стала... гусыней она.

Просит мать свою дочь: — Велики ли труды,
принеси ты хотя бы ведро воды.
— Я в реке утону: там обрывы круты!
— Так держись ты, дочурка, рукой за кусты.
— А сломается куст, далеко ль до беды?
— Ты за крепкий держись — и достанешь воды!
— Он мне руки поколет! — А ты на шестке
рукавичку возьми да носи на руке.
— Рукавичка порвется, — Айога в ответ, —
на сучках там колючки, и счета им нет!
— Так зашьешь ты тогда рукавичку свою,
я тебе для того и иголку даю.

— Я сломаю иглу, далеко ль до беды:
ни иглки не будет у нас, ни воды!
Ей отец: «Ты большую иглку возьми».
Нет, не может она столковаться с людьми!
— А большая мне палец проколет как раз!
— А наперсток на что существует у нас?
— Потеряется он, далеко ль до беды:
ни наперстка не будет у нас, ни воды!..
Да когда же и вправду ей воду носить?
За своей красотой только впору следить...

3.

Прибегает соседская девочка к ним,
просит: «Дайте ведерко, я сбегаю с ним».
Наносила она, сколько нужно, воды,
никакой не случилось при этом беды.
Мать поставила тесто, огонь разожгла да
с малиной лесной пирожков напекла.
Напекла пирожков и несет их на стол,
сладкий запах до нашей лентяйки дошел.
Просит дочка скорей пирожок ей подать —
До того обленилась она, что не встать!

4.

Мама так отвечает на дочкину речь:
— Он горячий, ты можешь им руки обжечь.
— Я свои рукавички возьму на шестке!
— А твои рукавички намокли в реке.
— Просушу их, мамуля, на солнышке я!
— Покоробит их солнце, дочурка моя.
— Я их мялкой, мамуля, тогда разомну,
будут снова одна рукавичка в одну.
— Наломашь ты руки работой такой,
уж сиди и любуйся своей красотой.
Лучше я пирожки той девчужке отдам,

что воды и себе наносила и нам.
Не боялась она, что работа трудна —
так пускай и награду получит она...
И соседской девчужке, что тут же была,
самый сладкий она пирожок подала.

5.

Разозлилась ужасно Айога тогда,
Убежала на речку Айога тогда
Отраженье свое она видит в воде:
нет красивей ее никого и нигде!..
А у речки, где травкой порос бережок,
та девчужка сидит и жуёт пирожок.
Начала озираться Айога назад,
на соседку бросает разгневанный взгляд.
Стала шея Айоги тянуться в длину,
Стала шея Айоги расти в вышину.
А девчужка тогда и скажи ей: «Иди
ты возьми мой гостинец, мне хватит еды».
Тут совсем побелела Айога со зла:
«Чтоб она да кусок у кого-то взяла!»
Затряслась, замахала руками она —
руки сделались крыльями, вот тебе на!
Закричала: «Твое и оставь у себя!
Не возьму пирога-га-га-га от тебя!»
Оттолкнулась от берега и поплыла,
Словно век она белой гусыней была.
Только слышно — разносят кругом берега:
— Я красуля-га-га, я красуля-га-га!..
Позабыла она свой родной разговор,
не забыла лишь имя свое до сих пор.
Если ей человек повстречается где —
закричит, и летит ее крик по воде:
— Я — Айога-га-га!
— Я — Айога-га-га!

Перевел с белорусского Г. Пагирев

Пройти по коридору было невозможно. Ребята прочно закупорили его, и поэтому Женьке с Колькой не сразу удалось разобраться, в чем дело.

Центром всеобщего внимания был аккуратный листок на стене.

**10 СЕНТЯБРЯ с.г КЮГ ОРГАНИЗУЕТ
ПЕРВЫЙ В ЭТОМ ГОДУ ТУРПОХОД
НА ВЕЛОСИПЕДАХ ПО МАРШРУТУ
ЛЕНИНГРАД - ГАТЧИНА - ЛЕНИНГРАД
МАШИНЫ СВОИ, ЗАПИСЬ — У ХЛЕБНИКОВА (8-8)
СОВЕТ КЮГА**

Мальчики переглянулись.

— Дело! Надо спешить.

Они-то знали, что запишут первых, кто явится, а остальным эта ехидина Витька Львов скажет:

— Клуб закрыт на переучет. Приходите на следующей неделе. И уже вдогонку добавит: — Долго думали, котята!

Котята — это они, пятиклассники.

КЮГ или Клуб юных географов был создан три года тому назад нынешними восьмиклассниками. Они ходили в походы, пешком и на лодках, на велосипедах и на лыжах, летом и зимой, по Южному берегу Крыма и озерам Карельского перешейка. Ночевали у костра, любовались восходом солнца с Ай-Петри, видели древние башни Таллина, крепость Карелу, целлюлозно-бумажный гигант в Советском, виноградники Гурзуфа...

Они работали на колхозных полях и давали концерты, делились друг с другом всем, что имели, помогали уставшим и пели зазорные песни... Вот что такое

КЮГ! Вот кто такие восьмиклассники!

Впрочем тогда они тоже были пятиклассниками, а теперь говорят «котята». Подумаешь, «тигры»!

Но самое главное сейчас — записаться. Записаться быстрее, пока не опоздали. И ребята бегут искать Колю Хлебникова — президента КЮГ'а.

На другой день было еще совсем рано, когда Женька позвонил в квартиру № 62, где жил Коля Васильев.

То, что он увидел, было потрясающе. На столе, на полу и на всех трех подоконниках разложены на газетных листах детали велосипеда. Все они тщательно смазаны. Этот сумасшедший Колька, наверное, тонну масла на них вылил. Жирные подтеки масла были видны на бумаге. Но и бумага не помогла. В двух местах на паркете уже красовались масляные пятна.

Коля сидел на полу у самого окна и возился с рулем.

Он старательно затянул гайку, отбросил упавшие на глаза волосы и только тогда взглянул на Женьку.

— Еще час — полтора — и все будет готово. Хотя сейчас в поход.

— У тебя-то готово, — Женька вздохнул. — А у меня велик еще на даче. Только завтра привезут.

— Ничего, — успокоил Коля, — мы его вдвоем быстро переберем. А пока давай-ка займемся колесами.

Нечего и говорить, что все оставшиеся дни ребята жили подготовкой к походу. Машины были приведены в идеальный порядок. Рюкзаки уложены еще со среды.

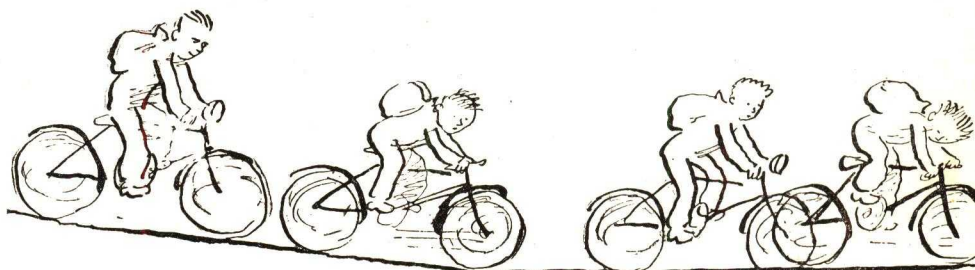
Особенно внимательно были проверены пуговицы. В прошлом году одного шестиклассника в последний момент сняли с маршрута автобусной экскурсии в Таллин только за то, что у него не хватало трех пуговиц. И это были не те пуговицы, без которых никак не обойтись!

Ребята помнят, как Александр Петрович вывел «преступника» на два шага вперед, лицом к остальным, отчитал его за неряшливость и отправил домой. Получалось так, точно по недостающим пуговицам какого-то мальчишки будут судить чуть ли не обо всем Ленинграде.

...В пятницу состоялся совет КЮГ'а, на котором присутствовали все двадцать участников велопохода.

Президент Коля Хлебников назначил начальника похода. Потом он доложил о том, что Гатчина согласна принять ребят. Под жилье им отводится Приоратский дворец.

Мальчики переглянулись: дворец — это подходит.

Все шло хорошо, пока не заговорил Витька Львов. Ему, видите ли, кажется, что пятиклассников брать не следует. Он, как член Совета, против их включения в состав группы, они и малы, и слабы, и беспомощны, и...

Вот кого Колька с Женькой с удовольствием переехали бы сразу двумя велосипедами!

Самое страшное, что и другие члены Совета поглядывали на них с сомнением.

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы слово не попросил учитель географии Александр Петрович. До этого момента он о чем-то переговаривался со старшей пионервожатой Людмилой Васильевной и Виктором Ивановичем, отцом Пети Смирнова.

— Мы вот тут советовались, — Александр Петрович сделал паузу, — и нам кажется — можно брать пятиклассников.

У Женьки захватило дыхание.

— Нужно брать пятиклассников, — продолжал учитель, — наша школа становится восьмилетней. Вы, старшие, уйдете. Кто же будет продолжать ваши традиции?

Но Витька не сдавался.

— Однако есть еще одно но. В состав группы включена девочка из пятого класса.

Разговор о девочке для Витьки — попытка поправить свои дела.

Девчонку из 5-г класса мальчишки заметили только сейчас. Она была маленькой и толстенькой. Слушала Витьку Львова она, казалось, спокойно. Только щеки да кончики ушей у нее заметно порозовели.

Теперь слово взяла старшая пионервожатая.

— Если оставлять пятиклассников, то всех. Тем более, что Галя — безусловно, сильнее многих мальчиков.

Ну уж это слишком! Может быть, и есть такие мальчишки, но только не Женька и не Колька!

Совет утвердил всю группу. Начались сообщения ответственных. Девочка из сандружины сказала, что «водохлебов», если таковые окажутся, в следующий поход не возьмут.

Это был совсем лишний разговор. Коля с Женей еще в прошлом году закаляли свою волю, по несколько дней не выпивали ни капли воды и отказывались даже от чая. Они отказались бы и от супа и от молока, но тут дело приходилось иметь с мамой, а вы сами знаете, что это такое.

...В субботу возле школы творилось такое, по сравнению с чем птичий базар в далекой Арктике — просто место для тихих игр. Здесь собрались и участники похода, и их родители, и ребята из соседних домов. Была здесь и толстуха из пятого класса.

Женька толкнул локтем Колю:

— Смотри!

Действительно, только теперь Коля заметил, что в отличие от всех, у Гали Назаровой — велосипед «Орленок». А кто же не знает, что на этой машине не угнаться за «Туристами»!

— Если она не отстанет на первом километре, то уж на втором обязательно «сдохнет»!

— Д-да! Неужели Александр Петрович не видит?

Начальник похода Жанна Никитина поднесла ко рту свисток. Все бросились к машинам.

— Равняйся, смирно!

Это было здорово! Двадцать человек с блестящими на солнце машинами замерли в строю. Возле них крутились фотографы КЮГа, заготавливая материал для очередного выпуска «Географического вестника».

Наконец, послышалась команда: «По машинам!» И, вытянувшись длинной лентой, велосипедисты направились к Московскому проспекту.

Позади Женя ехал на своем «Спорте» Коля, впереди... Впереди на «Орленке» — Назарова.

«Ну, будет теперь путаться под ногами», — подумал Женька.

Однако ее крепкие ноги ритмично нажимали на педали, и маленький «Орленок» шел в общем строю, строго выдерживая трехметровую дистанцию.

Остался позади Парк Победы, памятник Чернышевскому. Уходили назад серые и розовые громады новых домов, целые кварталы, выросшие здесь на глазах у Женьки.

Казалось, огромный город шагал навстречу столице, протягивая к ней стрелы башенных кранов.

Женька любил свой район. Ему нравился Парк Победы, нравились новые дома и отличные спортплощадки во дворах. Там, где жили раньше, этого не было. Там двор напоминал большой колодец, на дне которого они играли в снежки и в футбол. Дворничиха тетя Мотя гоняла их метлой.

Здесь был новый город, город будущего. И в то же время славная своими революционными традициями Московская застава. Здесь с сетчатой рамы смотрят на проспект три ордена Электросилы. Здесь заводы, фабрики, дома культуры носят имена замечательных людей. Имени Кирова, имени Коняшина, имени Капанова, имени Егорова...

Из рассказов Александра Петровича Женька знал, что это были за люди!..

Где-то сбоку затрещал мотоцикл. Инспектор ГАИ на ходу давал указания. Потом он добавил газу и умчался вперед обеспечивать порядок на трассе похода. Он сопровождал колонну довольно долго, весело поглядывая на ребят, а на прощание похвалил за дисциплинированность и пожелал доброго пути.

На просторном шоссе можно было ехать в два ряда, а значит и обгонять. И уж, конечно, теперь-то он, Женька, докажет этой толстухе преимущество «Туриста» перед «Орленком».

Начал Женька с того, что несколько ускорил темп, пытаясь обойти эту «пышку». Но маленькая зеленая машина шла вперед, не замедляя скорости, как будто ее педали вращала не девочка из пятого класса, а хорошо отрегулированный двигатель.

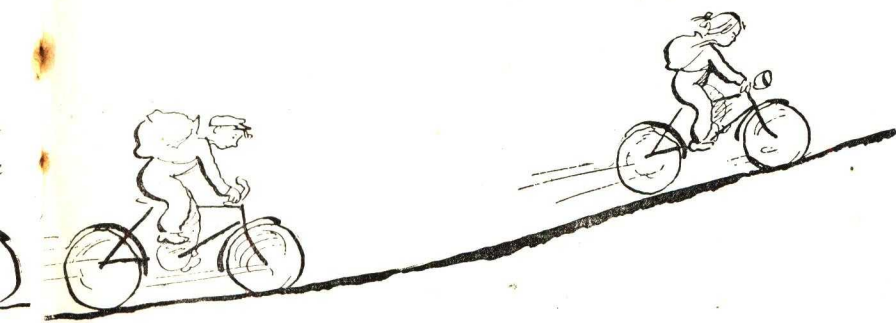
Женька поднажал. Зеленый «Орленок» по-прежнему шел впереди.

Это уже было нахальством. Женька напряг все силы. Но как он ни старался, зеленая машина уверенно шла впереди.

«Измонтаю!» — подумал Женька и даже привстал на педалях. Вот переднее колесо его машины поравнялось с задним колесом «Орленка», с педалью, с осью переднего колеса. Казалось, еще немного — и Назарова окажется там, где ей полагалось быть, с точки зрения Женьки Михайлова. Но лицо девочки стало серьезней, ноги замедлили еще быстрее и, как Женька ни старался, зеленый «Орленок» вырвался вперед.

От позора поражения Женьку спас только объявленный привал.

Сразу же к Женьке подошел Коля:

Коля Хлебников

Гали Назарова

Витя Львов

По нашей просьбе художник В. Гусев побывал в Клубе юных географов и сделал зарисовки. Вот что у него получилось.

— Слабец! Думаешь, я не видел, как ты опозорился. И Александр Петрович тоже, наверное, видел. Поменяемся местами. Как на гонках за лидером. Я обойду Назарову, а ты за мной.

Сначала, вроде все шло хорошо. Назарова подпустила переднее колесо Колькиной машины до оси переднего колеса своей. Так они некоторое время и двигались. Но вот эта чертова девчонка заработала ногами еще быстрее, и Колька оказался у нее за спиной.

Сзади послышался ехидный голос Витки Львова:

— Котят, ничего не выходит?

И, напевая: «Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка», он легко обогнал Женьку с Колькой и пристроился за «Орленком».

— Учитесь, пока я жив.

— Еще бы такой дядя не обошел, — проворчал Колька.

Но у «дяди» что-то явно не клеилось. Во всяком случае, легкого обгона не получалось. Получалась довольно серьезная борьба. Мальчики видели, как Витка старался обойти «Орленка».

Смешно, конечно, было маленькой девочке бороться с этим туристским волком, но она боролась. И Витке пришлось попотеть, прежде чем он ее, наконец, обошел.

Через два часа показались Гатчина.

Очередная неприятность произошла во дворце, когда стали укладываться спать.

Женька и сейчас не знает, зачем он бросился занимать место на нескольких

гимнастических матах, лежавших в зале. А когда уже лег, услышал голос Витки Львова:

— Сейчас я прочту популярную лекцию по основам туризма. Перед вами два примера решения проблемы ночлега, — Витка выдержал эффектную паузу и продолжал, — с одной стороны неразумная девочка, которая возомнила себя участницей походов Святослава или, по крайней мере, Суворова, путая жесткий паркет с мягким диваном, она легла прямо на полу, подложив под голову седло... э-э, извините, рюкзак.

Все, в том числе и Женька, рассмеялись.

— С другой стороны, — продолжал Витка, — мы видим образцово-показательного мальчика из хорошей семьи, который послушен маме и бабушке. Он не лег на жесткий пол. Он знает, что это огорчило бы маму, а особенно бабушку, и, оттеснив девочек, лег на мягкий мат.

Все опять засмеялись. Все — кроме Женьки.

Бормоча оправдания, он быстро-быстро перебрался в дальний угол, спрятав свои пылающие уши и свою обиду под теплым одеялом.

Женька слышал, как Витка предложил «пышке» перебраться на мат и как она отказалась. И за это возненавидел ее еще больше...

На другой день был осмотр парка и дворцов. И Назарова рассказала о них много интересного. Откуда она все это знала, Женька так и не понял.

А когда кто-то из мальчишек бросил прямо к ней на колени лягушку, она не завизжала, как это сделала бы любая другая девчонка. Наоборот, вспомнила, что учительница зоологии просила их привезти побольше лягушек, и мальчишки бросились на поиски.

Незаметно летело время. Пора домой. И снова замелькали телеграфные столбы, и понеслась под колеса машин бесконечная лента шоссе. И снова, не отставая от остальных, шла маленькая зеленая машина...

А через несколько дней состоялись перевыборы Совета Клуба, и Александр Петрович предложил ввести в Совет одного пятиклассника. Витка Львов — этого уж никто не ожидал — взял слово и предложил кандидатуру Гали Назаровой. И никто не удивился. И все голосовали «за». И хотя теперь Женька уже знал, что победила Гали не случайно, что она с четырех лет занималась спортом — фигурным катанием, — это было для него очень слабым утешением.

Через три дня на стене, где недавно висело объявление о походе, появился фотомонтаж: «Совет Клуба юных географов». И рядом с большой фотографией президента Коли Хлебникова была наклеена другая чуть поменьше — толстой девочки с очень серьезным выражением лица. А ниже синей тушью очень красиво было написано: «Гали Назарова — вице-президент».

ТИХИЙ ОМУТ

В. Козлов

Рисунки Т. Есенофнтова

Ребята бросились на полянку, обступили Митьку.

— Где «НП»?

Митька смотрел на них и улыбался.

— Маскировка что надо, — сказал он.

Подошли к самой сосне и только тогда рассмотрели среди густых колючих ветвей черный деревянный настил. Ребята обступили ствол, шупали его, ахали:

— Толстущий-то!

— Как партизаны забирались наверх?

— Смотрите! — Степка подпрыгнул, уцепился за короткий сук, потом за другой и через минуту протопал ногами по шаткому настилу.

Ребята, раскрыв рты, смотрели на Тритона-Харитона.

— Красота! — крикнул Степка. — Все кругом видно!

Огурец попытался дотянуться до первого кривого сука, торчавшего высоко над головой, но ничего из этого не вышло.

— Степка длинный, ему хорошо, — сказал он. — А меня подсаживать надо.

— Давай подсажу, — предложил Митька.

— Я тяжелый, — сказал Огурец и отошел в сторону.

— Тритон! — крикнул Митька. — Слазь!

Степка спустился.

— Думаете, это сучья? — показал он на ствол. — Это партизаны колышки вколотили, чтобы легче было забираться.

Партизанский лагерь был разбит на границе соснового бора с лощиной, заросшей орешником и терновником. Сразу за лощиной начиналось болото. Партизаны знали тайную тропу через трясины. В случае, если бы нагрянули каратели, партизаны могли бы всегда скрыться.

Продолжение. См. «Костер» № 4, 5, 1961 г.

Всего в лагере три больших землянки. Теперь две обвалились, а одна сохранилась. Вместо трубы — пень с дыркой. Степка первым спустился в землянку и из сырой затхлой темноты крикнул:

— Заходи!

В землянке было темно, пахло гнилыми листьями и плесенью. Кто-то наткнулся на деревянные нары.

— Чего тут стоять? — сказал Огурец. — Пошли наверх!

Но глаза понемногу привыкли к темноте. Ребята стали различать предметы. Посередине землянки стояла ржавая бочка с обгорелыми боками. Партизанская печка. Нары в два ряда опоясывали всю землянку. Под ногами навалены сухие еловые лапы.

Степка вполголоса стал рассказывать, как здесь жили партизаны. Митька все это знал: Степкин отец был командир отряда, а Митькин — его правая рука — начальник разведки.

Спал Митькин отец вот на этих нарах, где сейчас одна доска выломана. Спал, не раздеваясь, в сапогах. На бревнах — царапины. Это следы железных подковок, — сапоги эти отец отобрал у немецкого мотоциклиста. Подкараулил его на лесной дороге. Подрубил сосну, стоявшую на обочине, спрятался за стволом. Все заранее рассчитал. И когда мотоциклист миновал черту, отмеченную на дороге, отец толкнул сосну. Она так и накрыла немца.

Митька потихоньку выбрался наверх. Уселся на дереве и стал смотреть на болото, над которым парили два ястреба. Он ни о чем не думал, просто сидел и смотрел на болото. Сначала он видел ястребов, рыжие кочки на болоте, косматые облака, наползающие из-за вершин деревьев. Потом краски стерлись... Митька увидел веселое лицо отца, хмурое, озабоченное — матери, маленькое крысиное — тетки Лизы...

— Лесник, спишь? — Тритон-Харитон стукнул Митьку по плечу. — Сейчас картошки нароем, костер запалим. — Степка посмотрел на небо, почесал затылок: — Эх, кабы завтра не в школу, можно было бы с ночевкой... Как партизаны!

— Пойдем картошку копать, — Митька поднялся. — Кто костер запалит?

— Могу, — сказал Огурец.

Митьке Огурец не нравился. Какой-то он скользкий, все время норовит проехаться на чужом горбу. И костер разжечь согласился неспроста: не хочет сучья собирать.

— Костер Серега Орлов разожжет, — сказал Митька. — А ты — шагом марш — за хвостом.

— Серега не умеет.

— Опять споришь?

Огурец, бросив исподлобья на Митьку свирепый взгляд, побрел за хвостом.

Картошка росла сразу за землянкой. Вот уже много лет никто ее не сажал, не окучивал, а она росла себе среди лесной травы и пней. В отличие от домашних — клубни были мелкими и с прозеленью. Но когда толстым суком разгребли горячую золу и выкатили черные пропекшиеся картофелины, у всех слюнки потекли.

— А соль? — вспомнил Сережка Орлов, перекатывая в руках половинку дымящейся картофелины.

Соль не догадались захватить. Но и без соли съели картошку за милую душу.

Ребята улеглись возле потухшего костра. Разговаривать не хотелось. Думали о тех грозных далеких годах. Ребята не раз слышали рассказы о горячих схватках партизан с немцами, о героях, расстрелянных и повешенных. Они были внуками и детьми этих героев...

Тихо в партизанском лесу. Как памятники славному прошлому, стоят три безмолвные землянки.

Когда-то здесь кипела жизнь. Горели костры, в котелках и чугунах варился партизанский борщ. Прохаживался с винтовкой часовой. По заросшей папоротником и костяниковой тропе возвращались с боевых заданий партизаны.

— Выпалить бы из настоящего автомата! — сказал Тритон-Харитон. Он лежал на спине, заложив руки за голову и глядя в небо.

— В ястреба, да? — спросил Митька.

— В фашиста, — сказал Степка.

— А мне жрать хочется, — сказал Огурец. — Еще бы картошечки...

Митька покосился на Петьку, но ничего не сказал.

Домой возвращались, когда солнце село за деревья, а облака на небе окрасились в желто-розовый цвет. Под ногами сгустились тени. Митька шел медленно и озибался. Степка то и дело наткался на его спину.

— Прибавь шагу, Лесник, — наконец не выдержал Тритон-Харитон. — Ползешь, как каракатица...

Вышли к мосту. Речушка, почерневшая и таинственная, ворчала меж валунов. Облака растворились в потемневшем небе. Над вершиной дерева, словно на новогодней елке, ярко засияла первая звезда.

Митька незаметно сунул Степке нагретый в ладони пистолет и, глядя в сторону, тихо сказал:

— Держи... Какой я командир?..

КВАРТИРАНТ

Квартирант пришел в понедельник в сумерки. Митька и мать ужинали, когда в дверь раздался осторожный стук.

— Он... — поспешно поднялась из-за стола мать. Она волновалась. — Сынок, у тебя нос в сметане. Оботри.

Суетливо поправила на голове черный платок, разгладила морщины на пестром одеяле.

— Милости прошу, — с поклоном встретила она квартиранта. — Горницу для вас приготовила.

Митька не переставал удивляться: для кого так старается? Он шурил глаза, пытался в потемках разглядеть пришельца.

Гость не спеша снял с плеч тощий вешевой мешок и положил на лавку.

— Садитесь чай пить, — кинулась к столу мать. — Я сейчас оладий испеку. Горяченьких!

Квартирант шагнул из темноты к свету, и Митька чуть блином не подавился.

— Дядя Егор...

— Он самый, брат Митрий... — улыбнулся рыбак. — Не ждал?

— Вы будете у нас жить?

— Если не прогонишь.

— А мне что, — равнодушно сказал Митька. — Живите.

Дядя Егор ему нравился и не нравился. Станный он какой-то. В глаза посмотрит и сразу мысли угадывает...

Мать подкладывала гостю в тарелку все самое лучшее, в чай Митьке клала два куска сахара, а дяде Егору — четыре.

— Что делать с мальчишкой? — жаловалась мать. — В школе что-то натворил... Меня не слушается.

Дядя Егор ласково посмотрел на Митьку.

— Обижают?

Он, как всегда, угадал. Но Митька вдруг ни с того ни с сего разозлился.

— Глупости. Никто меня не обижает, — сказал он. — Не пойду в школу — вот и все!

— Слышите? — покачала головой мать. — Вытворяет что хочет... Отбилась от рук без отца.

Дядя Егор слушал и улыбался.

— Не хочу учиться — хочу жениться, — сказал он.

Митька отвернулся.

— Плохо в школе?

— Хорошо.

— Почему же не ходишь?

— Не хочу. Дураки там... Вот! — выпалил Митька.

— Гляди!.. — кивнула на ремень мать, но

квартирант посмотрел на нее, и она замолчала.

— А чего ему в школе делать? — сказал он. — Читать-писать умеет и ладно...

— Кому он нужен будет, необразованный? — удивилась мать.

— Богу, — коротко сказал дядя Егор.

Митька вытаращил на него глаза. Такого оборота он не ожидал.

— А мне никакой бог не нужен, — пробурчал он. — Я сам по себе...

— Замолчи, нехристь! — прикрикнула мать и виновато посмотрела на дядю Егора.

— Утешься, сестрица, — помолчав, сказал он. — Это не мальчонкины слова... Сатанинские.

Они с матерью заговорили о боге. Вернее, говорил дядя Егор, а мать и Митька слушали. Рассказывал он о житии разных святых и пророков интересно. Ровный голос его звучал мягко, душевно. Белые руки покойно лежали на коленях, глаза от умиления увлажнились. Он рассказывал, а борода его чуть заметно шевелилась, будто в ней ветерок запутался. У матери в черных глазах сиял восторг. Митька сначала слушал с недоверием, а потом тоже увлекся...

* * *

...Мать почему-то упорно не хотела идти в школу. А без нее там Митьке делать было нечего. Теперь он не прятался и не убегал из дому. И мать ничего ему не говорила, вроде бы так и надо.

Когда мать уходила на кордон, Митька коротал время с квартирантом. Тот нигде не работал. Вставал поздно и не сразу: еще с полчасика скрипел на кровати пружинами, кряхтел, бормотал что-то. Наверное, молитву сотворял. Плотно завтракал и до обеда сидел на берегу с удочкой. Только волосатая голова его торчала над осокой. После обеда ложился часика на два вздремнуть. Храпел гулко, залиvisto. К нему часто навевалась с какими-то незнакомыми людьми тетка Лиза. Люди приносили с собой узелки и пакеты с домашней снедью. Запирались в горнице и долго о чем-то толковали. Митька за стеной слышал глухие голоса, но слов не разбирал. К дяде Егору все относились с большим почтением. Переступив порог, низко кланялись ему, а иногда целовали руку.

Приходили по одному, со стороны леса. Из окна Митька безошибочно угадывал богомолов. Выйдя на дорогу, они сразу не решались идти к мельнице, стояли в тени деревьев, ози-

рались. Женщины были в черных платьях, а мужчины (их Митька насчитал всего человек шесть). — кто в чем. Своих, сельских, среди них Митька что-то не примечал. Видно, из соседних деревень.

Пока богомолы отдыхали с дороги у плотины, дядя Егор, не спеша, расчесывал перед зеркалом свою бороду, усы. Из-под кровати вытаскивал вещмешок. Там, на самом дне, лежали книги. Совал под мышку одну из них и, еще раз осмотрев себя в зеркало, отправлялся на мельницу.

Дядя Егор с матерью приходили домой на рассвете, усталые, с воспаленными глазами. Иногда приводили с собой незнакомых людей, и те молча укладывались спать прямо на полу. Кто они, Митька не знал. Когда он утром просыпался — уже никого не было. Но в избе долго еще стоял тяжелый запах лука, свечек и пота.

С Митькой дядя Егор последнее время разговаривал, как с равным. В рыболовных делах даже советовался. Митьке это льстило. В общем с дядей Егором у них налаживалась дружба.

— Кем ты хочешь быть, Митрий? — как-то спросил дядя Егор.

Митька долго молчал. Когда был жив отец, хотел стать лесником. А после смерти отца... И все-таки он сказал:

— Лесником.

— Хорошая работа, — сразу одобрил дядя Егор. — Тихая и от мирской суеты удаленная.

— Страшно ночью в лесу... Там лешие.

— Нечисти хватает, — дядя Егор быстро взглянул на Митьку, — страшишься нечистой силы?

— А вы? — уклоняясь от ответа, спросил Митька.

— Я от нечистой силы убежден.

Митька недоверчиво улыбнулся.

— Меня бог бережет, — сказал дядя Егор.

— Охраняет?

— Без бога за порог — бес поперек, — дядя Егор помолчал и взглянул на Митьку, — прими водное крещение... Ни один леший страшен не будет.

Молчит Митька. Срижет черными бровями. Думает. Он бы, может, окрестился, да что ребята скажут, Степка? Узнают — проходу не

дадут. Особенно этот Огурец. Привяжется — хоть караул кричи! Век не отстанет. Зануда. А с другой стороны лес... Лес страшнее. Окрестится — и ни один леший его в жизнь не тронет. В самую темную ночь иди — хоть бы что. Бог будет охранять... Бог... Бога-то нет!?

Путаются, скачут мысли в Митькиной голове. Не видит он, что рыба давно уже поплавок под воду утащила. А дядя Егор и видит, да молчит. Молчит и неприметно для Митьки улыбается.

Придет Митька с речки, а дома мать начинает:

— Окрестись, сынок! Мать я тебе или нет? Не на худое ведь неволю.

Говорит мать, а сама на «старшего брата» посматривает. И в глазах ее смирение и покорность. Боится она дядю Егора. Почему? Не ругается он, не кричит. Разговаривает тихо,

с улыбкой. А вот боится его. И не только мать, а все, кто на старую мельницу ходят.

Жалко Митьке мать. Раньше веселая была, песни пела, а теперь молчит, думает о чем-то. О боге думает. О чем же еще? Любит мать Митьку. Очень любит. Да что толку от такой любви! Боится чего-то, плачет. Замучила и себя и Митьку.

Крепился Митька, крепился, а потом рукой махнул:

— Мне что — крести, — сказал он матери. — Ребята в школе будут дразниться... И так уже прозвали «богомолом».

— Обойдется, Митенька! — обрадовалась мать. — Никто и не узнает.

— А где вы меня крестить будете? — спросил Митька. — В церкви?

— В реке, сынок, — сказала мать. — В нашей Калинке.

КРЕЩЕНИЕ

Митька нехотя стащил с себя рубаху и зябко повел голыми плечами. Дует. Время-то не летнее. Конец сентября. Штаны снимать не хотелось. Может быть, можно в штанах? Он шагнул к воде и попробовал ногой: холодная! Тоскливо посмотрел на противоположный берег. Сосны, словно стыдя его, укоризненно качали макушками. Камыш тоже хмурился, махал своими листьями-саблями. И Митьке вдруг стало стыдно: зачем согласился?

За его спиной стояли дядя Егор и мать. Они молчали, но Митька ощущал их выжидающие взгляды.

— Я полезу в штанах, — сказал Митька.

— Сыми, — прозвучал за спиной суровый голос дяди Егора.

Митька тяжело вздохнул и отпустил ремень.

Штаны мягко упали в траву. Он переступил через них и поспешно зашагал к воде.

— Трусые тоже сыми, — остановил его голос дяди Егора. — Нагишом ступай в воду.

— Сам сымай, — под нос пробурчал Митька.

Он стоял у самой воды, ежился. Из-за кустов подул холодный ветер, и на теле выступили синие пупырышки.

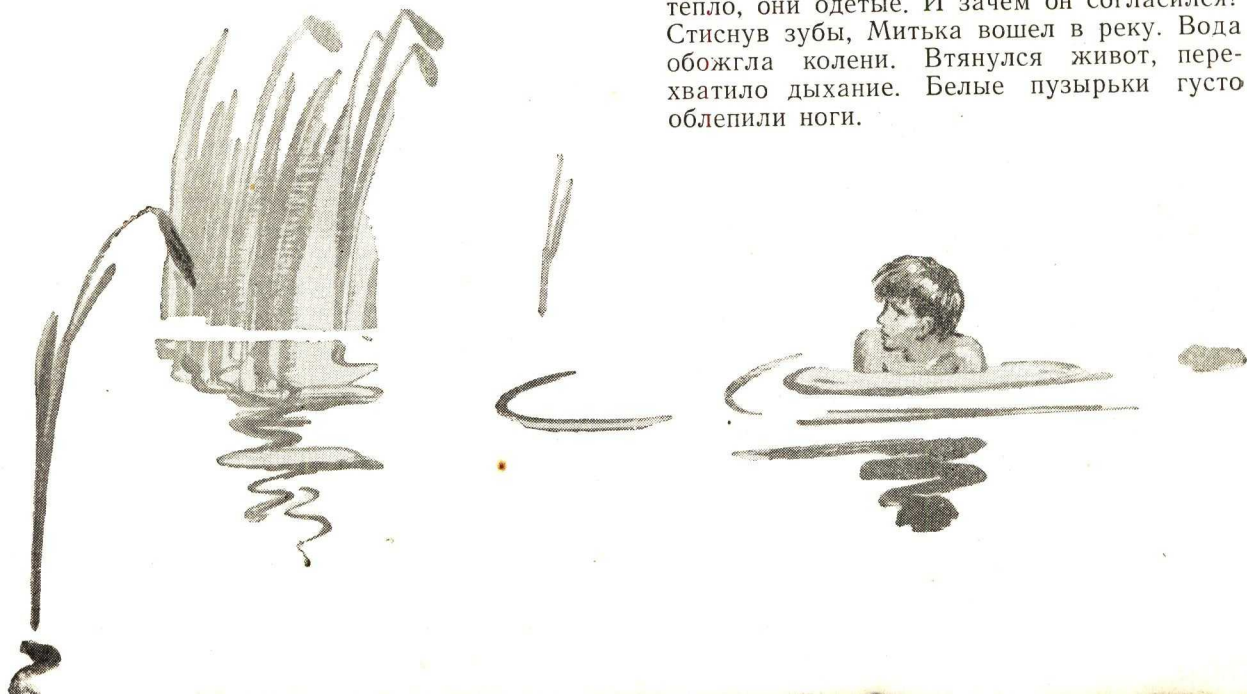
— До каких пор лезть-то?

— По пояс, Митенька, — жалостливо сказала мать.

— Чтобы как полагается свершить священный обряд крещения, нужно погрузиться в воду по самую шею, — строго заметил дядя Егор. — Исполняй, Митрий!

— Не медли, сынок, — попросила мать. — Озябнешь.

Дядя Егор и мать стояли на берегу. Им тепло, они одетые. И зачем он согласился? Стиснув зубы, Митька вошел в реку. Вода обожгла колени. Втянулся живот, перехватило дыхание. Белые пузырьки густо облепили ноги.

Мать раскрыла старую книгу с большим черным крестом на обложке.

— Погоди, сестрица, — сказал дядя Егор. — Мелко тут. Вода-то парнишке чуть выше пупка, а надо по шею.

— Тут везде мелко, — подал голос Митька. — Хотите я присяду?

— Не полагается приседать, — сказал дядя Егор. — Пошли вон туда... Там поглубже.

Голый трясущийся Митька чертом выскочил из реки и дробной рысью побежал за ними вдоль берега.

— Вот тут глубоко, — ткнул пальцем в омут дядя Егор. — Полезай!

Митька нерешительно топтался на берегу. В омут лезть ему совсем не хотелось.

— Там водяной, — сказал он. — Ахнуть не успеешь — утнет...

Дядя Егор перекрестил воду.

— Лезь!

Митька вдруг вспомнил школу. Вот было бы дело, если бы его сейчас увидели! Петька Огурец, наверное, ошалел бы от радости. А Степка и разговаривать бы после этого не стал. Лопнула бы их дружба, как бычий пузырь.

— Эй, мам! — сказал Митька. — Отдашь мою «Голубую чашку» или нет?

— О чем ты, сынок?

— Будто не знаешь!

— При чем тут чашка? — рассердился дядя Егор. — Не тяни душу, Митрий, полезай.

Митька охватил свою худую грудь с выпиравшими ребрами руками и по самым плечам уселся в траву.

— Не отдашь «Голубую чашку» — ни за что не полезу. Книжка библиотечная.

Дядя Егор в полголоса о чем-то спросил мать. Она ответила.

— Цела твоя книжка, — громко сказал он, — после крещения получишь.

Митька встал, закусил прыгающую губу и полез в омут.

— Обманешь — «Библию» спалю! — злобно бормотал он.

Осторожно, мелкими шажками продвигался Митька вперед. С каждым шагом вода поднималась все выше. Только бы не ухнуть в самый омут. Тогда и бог не поможет... Когда вода закрыла ключицы, он остановился и сдавленно крикнул:

— Готово?

— Потерпи, сынок, — сказала мать и, слюнявя палец, стала поспешно листать книгу.

— Читай вот эту молитву, — показал ей дядя Егор.

Мать, то и дело поглядывая на стучавшего зубами Митьку, быстро что-то забормотала.

— Не торопись, сестрица, — остановил ее дядя Егор. — Читай внятно, а то твоя молитва до бога не дойдет.

Мать старательно и заунывно стала читать. Митька не слушал. Касаясь подбородком воды, он напряженно ждал. Тело медленно окаменевало. Сначала он перестал чувствовать ноги, потом живот, грудь, руки.

Под самым носом проплыл красноватый дубовый лист. Со дна один за другим выскакивали маленькие темные пузырьки и с тихим звоном лопались. В уши лез непрерывный металлический стук. «Это мои зубы стучат», — сообразил он. Синяя стрекоза помахала у самого лица крылышками и бесцеремонно уселась на голову. «За полено меня приняла...», — подумал Митька и снова с откровенной злостью крикнул:

— Скоро?!

Мать стала читать быстрее. Дядя Егор стоял рядом с ней, и ветер заносил на его плечо редкую бородашку.

— Холодно, Митенька? — спросила мать. — Сейчас сы...

— Помолчи, сестрица! — с сердцем оборвал ее дядя Егор. — Давай-ка сюда молитвенник, я сам...

Он немного нараспев громко и внятно стал произносить непонятные слова. Митька не слушал. Он смотрел на темневшую сквозь кусты мельницу, и ему казалось, что она растет на глазах, становится все больше и выше. Вот продырявленная крыша со скворешней поднялась над кустом, вот она уже выше елей, полнеба закрыла. Митька зажмурился, а когда открыл глаза — мельница по-прежнему чуть виднелась сквозь кусты.

— И дух святой да придет... — откуда-то издалека дошли до него слова молитвы.

Вроде стало теплее. Он снова стал ощущать свое тело. Заныло под коленками, в ушах ровный гул, а в животе что-то захлопало. «Это дух святой в меня влезает...» — равнодушно подумал Митька.

Выскочив на берег и с трудом натянув тряпущимися руками одежку, он принялся прыгать и скакать, словно и вправду в него кто-то вселился. На мать и на дядю Егора он не смотрел. Он ненавидел их. Ему хотелось обзывать их разными нехорошими словами.

— Ну вот, Митенька, ты и крещеный, — сказала мать.

— Братом Митрием нарекаю тебя, — подумав, торжественно добавил дядя Егор. — В среду с матерью придешь в молельню.

— «Голубую чашку» отдавай! — хрипло сказал Митька.

ЗАМОК НА ДВЕРЯХ

В среду Митька не попал в молельню. С неделю провалялся он с высокой температурой на печи. Не пошло впрок ему водное крещение. Мать денно и нощно молилась богу, чтобы он помог Митьке избавиться от злой хвори. Но бог не помог. Помог сельский доктор.

Как сквозь сон помнит Митька разговор матери с дядей Егором.

— Помрет он, — говорила мать. — Доктора бы надо позвать.

— Молись, сестрица, — утешал дядя Егор. — Бог поставит мальчика на ноги.

— Страдает ведь он! Весь горит!

— Бог страдал и нам велел...

— Мальчишка-то причем?

— Все ходим под богом, сестрица... Значит, так богу угодно. Молись!

И два лица: одно круглое, заплаканное, матери, а другое — продолговатое, бородатое — дяди Егора — склонились над пышущим жаром Митькой, которому было в тот момент наплевать: позовут доктора или не позовут.

А вечером, когда дядя Егор, наказав матери до утра молиться, ушел на мельницу, она накинула на голову платок и побежала в село за доктором.

— Крупное воспаление легких, — простучав и прослушав Митьку, сказал доктор. — На рыбалке простыл?

— Ага, — кивнул Митька, взглянув на мать, — на рыбалке...

Доктор прописал порошки, таблетки, пенициллиновые уколы.

— Где рыбу-то ловил? — спросил он.

— В омуте...

Митька закрыл глаза и притворился спящим.

После уколов и порошков ему полегчало. Два раза ночью крепко пропотел и сразу перестало хрипеть в груди и колоть под лопатками. Скучный сидел Митька у окна (на улице доктор строго-настрого запретил выходить) и глазел на речку и лес. Ветер дул против течения, и воды в Калинке вроде бы прибавилось. Листья не плыли к запруде, а кружились на месте. Камышовые шишки порыжели и наполовину облезли. Видно было, как на ветру они колотились друг о дружку, роняя в воду коричневый пух. И лес стоял на берегу желтый, скучный. После каждого порыва ветра с ветвей слетали стаи желтых и красных бабочек-листьев. Скоро совсем облетят осины и березы, станут голыми, костлявыми. И только на рябине до самых заморозков будут рдеть сморщенные гроздья ягод.

Как только за окном забрезжил серый рассвет, мать надела гремучий брезентовый дождевик и ушла в лес, на кордон. Она ведь лесник. Эту должность после отца передал ей Харитонов. Давненько Митька не видел дядю Гришу. Когда папка был жив, дядя Гриша редкий день не заглядывал к ним, а теперь нет. Если и идет мимо, то стороной обойдет. Обещал филина подстрелить, а сам и забыл. Митька как-то спросил у матери:

— Чего это вы с дядей Гришей все не ладите? Он ведь папин друг.

— Ему был друг, а мне — недруг, — непонятно ответила мать.

— А мне дядя Гриша нравится, — сказал Митька. — Хороший он.

Мать что-то проворчала и больше не желала разговаривать на эту тему.

Дядя Егор, как всегда, встал поздно. Всклоченный со сна, позевывая в кулак, походил по комнате, побряхтел. Подошел к столу, двумя пальцами взял с тарелки румяную ватрушку и откусил сразу половину. Зубы крепкие. Желваки так и заходили на его щеках.

— Вкусно, — роняя творожные крошки на бороду, сказал он. — А молоко мать в сени выставила?

— В сени.

— Принеси.

— Я ведь больной, — сказал Митька. — Мне доктор не разрешил выходить.

— Плюнь, брат Митрий, на докторов... Ну что они понимают?

— А меня вот вылечили!

— Бог тебя на ноги поставил, — дядя Егор засунул в рот вторую половину ватрушки, прожевал. — Мы богу за тебя всю ночь молились... Вот он и внял.

— И лекарство мне бог принес? — насмешливо спросил Митька, кивнув на рецепты. — Да ваш бог и писать-то не умеет...

— Грешишь, брат Митрий! — строго сказал дядя Егор. — Не оскверняй мое ухо такими речами.

— В школу хочу!

Дядя Егор подсел к Митьке, обнял его за плечи.

— И охота тебе, брат Митрий, штаны в школе просиживать? Читать-писать умеешь? Мы и без школы сделаем тебя человеком. Ведь ты, брат Митрий, принял водное крещение, ты теперь член нашей секты. А я твой старший брат — меня слушайся... Иди лучше принеси из сеней молоко.

Митька принес пузатую крынку и поставил на стол.

— Пейте, — он посмотрел на неумытое, заросшее редкими белыми волосиками лицо старшего брата и сказал:

— За стол-то грех садиться неумытым!

— А я стоя попью, брат Митрий, — усмехнулся дядя Егор. — Стоя можно...

Позавтракав, он тупой лопатой накопал в огороде червей и ушел рыбачить. А Митька остался один. Скучно сидеть одному дома. Почитать бы чего-нибудь? Старший брат сказал, что, кроме священных книг, грешно другие и в руки брать. Не будешь, говорит, слушаться — бог накажет. Вообще-то Митьке наплевать на дядю Егора. Была бы книжка под рукой — почитал бы. Да вот беда — все книги припрятали. А «Библию» Митьке не хочется читать. Толстая и непонятная. В школу хочется... Мать так и не сходила к Сан Санычу. Она было собралась, да дядя Егор не пустил.

— О чем тебе толковать с ними, сестрица? — сказал он. — У нас теперь разные пути... Больно нужен им твой малец. Уж сколько дней сидит дома, а ни один учитель не заявился. Не ходи.

Неправду говорил квартирант Митькиной матери. Приходил к ним директор школы Сан Саныч. Два раза приходил. Но в дом так и не смог попасть. Уйдет мать на кор-

дон, а дядя Егор, отправляясь на речку, возьмет да и повесит тихонько на дверях большой старый замок.

Митька лежит на печке, дремлет и не знает, что дом на запоре. На улице ему доктор не разрешил выходить. И в окно надоело смотреть. А на печке тепло, пахнет сушеной малиной и луком. Делать-то нечего. Полежит Митька, подумает о том о сем и незаметно заснет. Сан Саныч посмотрит на замок: нет никого дома. Удивляется, куда подевался Митька? Говорят, больной. В школу не ходит и дома не сидит. Подождет немного директор на берегу — и поворачивает обратно. Некогда ему мать дожидаться — дела в школе.

Поручил Сан Саныч известить Митьку Вере Павловне. Но и ее перехватил у речки дядя Егор.

— Не ходите к парнишке, — сказал он учительнице. — Болезнь у него того... заразная.

— Извините, а вы кто ему будете? — спросила Вера Павловна.

— Рыбак я, — сказал дядя Егор. — Из соседней деревни.

Вера Павловна потопталась на мостике и отправилась в село. Не может она рисковать: у нее класс.

Степка, узнав, что его друг заболел заразной болезнью, в тот же день после уроков прибежал. Степке наплевать на все болезни. Ему хотелось Митьку повидать. Тритону-Харитону повезло: на дверях замка не было. Он поднялся на крыльцо, но тут дверь отворилась, и в сени вышли доктор и Митькина мать.

— Покой ему нужен, — сказал доктор. — Покой и еще раз покой.

— Слышал? — грустно сказала Степке Митькина мать. — Даст бог, поправится, тогда и наговоритесь.

Так и ушел Степка домой не солоно хлебавши.

Не знал Митька об этом, а потому и сердился на Тритона-Харитона. Человек болеет, а он ни разу проведать не пришел. Еще называется друг!

Обиделся Митька на всех. Постепенно свыкся с мыслью, что в школу ходить не надо. Портфель свой забросил под лавку и ногой поддал. Не нужен больше ему портфель. Зачем уроки учить? Никто его теперь вызывать не будет и двоек в дневник не поставит. Хорошо.

Но хорошо Митьке не было. Коричневый угол портфеля с блестящей железкой торчал из-под лавки и все время напоминал про школу. Митька достал портфель и зашвырнул его на чердак. Уж теперь-то на глаза не попадется. Портфель валялся в пыли на чердаке, а про школу все одно думалось...

И что это за жизнь такая? На улицу нельзя, в школу тоже. Книжек не дают читать. Сиди на печке, как дурак, и в потолок гляди. Не жизнь, а каторга. Хоть ложись в гроб и помирай.

В сенях что-то с грохотом упало, покати-

лось по полу. Кто это? Кошка, наверное, что-то зацепила. Дверь медленно со скрипом отворилась, и в щели показалась лохматая голова Тритона-Харитона. Голова была белая, не то в меду, не то в муке.

— Здравóво, Лесник! — негромко сказал Степка. — Чего это ты весь день под замком сидишь?

— Под замком? — удивился Митька. — Кто же это запер? Наверное, мамка. Мне, понимаешь, на улицу не разрешают...

— Я к тебе через двор пробрался... — сообщил Степка. — Дверь палкой открыл. Сверху какая-то тарелка упала, прямо на голову... — Степка провел рукой по волосам. — Никак мука?

— Я думал, это кошка... — сказал Митька, слезая с печки.

— Удрал с ботаники, — стал рассказывать Тритон-Харитон. — Надоели эти пестики-тычинки... Дай, думаю, к Леснику смотаюсь. Все болеешь?

— Я-то здоровый, да вот доктор... — сразу потускнел Митька. — Знаешь, сколько мне уколóв всадили? Двадцать штук!

Степка критически оглядел осунувшегося приятеля с ног до головы. Лицо у Митьки стало бледным, на виске двигалась синяя жилка. И глаза вроде больше стали, да какие-то скучные. Эх парня хворь свернула. Кожа да кости.

— Все ребята босиком ходят — и ничего, — сказал Степка. — Здоровые. А ты хворобу подцепил... Квелый ты. Шкелет.

— Скелет? — возмутился Митька. — Да я... Знаешь, сколько я голый в омуте простоял? Целый... — Тут он спохватился и прикусил язык. Но было поздно.

— А чего ты в омуте делал? — спросил Степка.

— Что надо, то и делал.

— Водяного шукал?

— Не-е.

— Сомá подцепил?

От Тритона-Харитона было не так-то просто отбояриться. Митька заглянул в его светлые глаза и спросил:

— Ты крещеный?

— Что ты... У меня ведь батя партийный!

— А я вот окрестился... как положено.
— Покажи крест! — не поверил Степка. Он даже голову набок нагнул, стараясь заглянуть Митьке под рубаху.
— Креста нет, — сказал Митька.
— Я так и знал, что брешьешь...
— Правду говорю — окрестился: Степка понял, что приятель не врет.
— У попа в большой кадке? — спросил он.
— Что я, маленький? В реке.
— А-а... Ты этот... сектант. Ты теперь тоже трясешься, будто у тебя родимчик? И на коленях ползаешь? — допытывался Степка. — И орешь по-дурному?
— Ору! — обозлился Митька. — Громче всех...
Степка как-то странно посмотрел на Митьку и сказал:
— Зря я морду набил Огурцу...
Митька удивленно посмотрел на приятеля.
— Подрались?
— Огурец трус, — сказал Степка. — Подкинул я ему тут без тебя. А зря.
Митька вскочил на скамейку, оттуда на печку. Из-под теплой шубы достал книжку и протянул ее Степке:
— Отдай библиотекарше.
Степка с интересом взглянул на обложку и, протянув: «А-а, Гайдар», — сунул под мышку.
— Принеси мне «Судьбу барабанщика», — попросил Митька. — Не забудешь?
— Ладно, — сказал Степка.
— Только чтобы мамка и дядя Егор не видали, — предупредил Митька. — Потихоньку.
Степка покачал головой, усмехнулся:
— Бить будут?
— Не положено мне разные книжки читать, — сказал Митька. — Грех.
— Раз грех, то не принесу... Бог узнает — тебе же влетит.
Степка смотрел в окно, и Митька не знал, смеется он или нет.
— Хватит трепаться, — сказал он. — Говорят, принеси... Трудно, что ли?
— Где же ты читать будешь?
— На печи, а то на речку уйду...
— От матки-то спрячешься, а от бога? — ехидничал Степка. — Куда от бога денешься? Он и через крышу увидит.
— Ну и пускай, — еле сдерживался Митька, а внутри все кипело: вот привязался гад! А Степка и не думал униматься. Он посмотрел на потолок и сказал:
— Если бог разрешит, — принесу, а так не могу.
— Как же он разрешит? — вытаращил глаза Митька. — Бог же не разговаривает.
— Помолись, может, с тобой и заговорит.

Степка отвернулся, и плечи и волосы его затряслись от беззвучного смеха.

— Есть бог! — взвизгнул Митька и подбежал к комоду. — На! Гляди, Тритонище, тут все как есть написано.

Степка взял в руки «Библию» и присвистнул:

— Ого! Какая тяжелая... Кирпич!

Громко прочитал название и отдал книгу Митьке.

— Держи. Эта штука, наверное, дорого стоит, потому как она из музея. Историческая древность. Ее еще превобытные люди читали.

— Они и читать-то не умели, — возразил Митька. — Они даже огонь не могли добывать... Сырых мамонтов ели. А потом бог сказал: да будет огонь, и стал огонь.

— А ракету на луну тоже, скажешь, бог шарахнул? — усмехнулся Степка. — Сказал: лети, ракета, на луну, она — раз, и полетела! Чудила. Если бы был бог, он взял бы и поймал ракету.

— Очень надо ему ловить ракеты, — сказал Митька. — У бога других дел по горло... Он по небу гром и молнии пускает!

— Зачем же он тогда твоего батьку убил? — сказал Степка.

Толстая «Библия» гулко шлепнулась на пол. Митька перешагнул через нее и пошатнулся. Степкино лицо расплылось и поехало вкось. Упал Митька вниз лицом на застланную кровать и сверху на голову положил подушку.

Степка огорченно крикнул и стукнул себя кулаком по лбу: дурак!

— Мить, — провел он ладошкой по костлявой спине приятеля, — ты когда в школу придешь?

Митька дернул плечом: — Отстань!

— Чуть не забыл... — гудел у него над ухом Тритон-Харитон. — Сан Саныч велел сказать тебе, чтобы, как поправишься, сразу приходил в школу. Без мамки. Один. Он больше на тебя не сердает.

Митька что-то промышчал из-под подушки. Тритон-Харитон еще немного потоптался и, подтянув длинные синие штаны, двинулся к порогу. В сенях что-то затарахтело по полу. Наверное, опять что-нибудь на Степку свалилось. Митька отшвырнул подушку и бросился к окну. Степка уже выбрался на улицу и, засунув руки в карманы, стоял у калитки.

— Эй, Тритонище! — крикнул в форточку Митька. — Сбей замок.

Степка показал пустые руки: нечем.

Митька достал из-под кровати молоток, швырнул его в форточку. Он слышал, как Степка дубасил молотком по замку. Потом все

стихло. Митька думал, что приятель снова зайдет, но Тритон-Харитон положил молоток и сломанный замок на ступеньку и ушел.

В полдень из села приковылял дед Андрон. Поставил в угол толстую палку, снял свою неразлучную командирскую фуражку и занес было руку — перекреститься, но нигде не обнаружил иконы. Взял и перекрестился на блестящий пузатый самовар.

— За хозяина, значит? — спросил дед, присаживаясь на скамейку. — А мамку куда подевал?

— В лес ушла. Делянку мерить.

Дед достал кожаный кисет, спички. Свернул огромную цыгарку и закурил. Сиреневый дым окутал лицо старика, как из трубы повалил в потолок.

— Избу мне надо малость подремонтировать, — сказал он. — В лесничестве бумагу на лес дали... Скоро мать-то будет?

Митька не знал, когда придет мать, но одному сидеть в избе надоело, и он сказал:

— Должна вот-вот заявиться... Погоди...

— Ладно посижу, — согласился Андрон. —

На службу заступать еще не скоро... Худо, парень, без батьки-то?

Митька кивнул.

— Хороший человек был твой отец, царствие небесное... Поди ж ты, эх его, сердешного, угораздило!

— Тетка Лиза говорит, — это бог его молнией покарал, — сказал Митька. — А чего такого ему мой папка сделал?

— Плюнь ты в ейные поганые глаза, — заволновался вдруг дед. — Правильный человек был твой батька... Ишь, что выдумала, черная стерва!

— Врет?

— Ясно дело, брешет!

— Она к нам все время ходит, — сказал Митька. — Можно я ее из рогатки?

— А это гляди, — сказал дед и почесал свой толстый красноватый нос. — Угодишь в глаз — тогда что?

— Будет одноглазая.

— Подлая баба... — Андрон помолчал, а потом спросил: — А что это у вас за рыбак такой объявился? Будто личность мне его знакомая... Как, говоришь, зовут его?

— Дядя Егор, — сказал Митька, — наш старший брат.

— А-а... брат, — протянул дед. — Чей брат?

— Ничей... Брат и все.

— Брат, значит, — повторил Андрон. — Видел я этого брата...

— Во сне, наверное, — сказал Митька. — Он же, деда, не ходит никуда. Не здешний.

— Не здешний, говоришь... Рыбку ловит?

— Тягает почему зря, — сказал Митька.

Старик, гулко постукивая деревяшкой по половицам, заходил по избе. Он скреб корявыми пальцами седой затылок и что-то ворчал себе под нос.

Тут Митька вспомнил: он давно хотел спросить у Андрона (старый все должен знать), почему Харитонов и мать недолюбливают друг друга?

Андрон остановился на пороге, искоса взглянул на Митьку.

— С чего ты взял? — спросил он.

— Вижу, — сказал Митька.

Дед Андрон вытащил изо рта окурочку и застучал своей деревяшкой к порогу.

— Пойду погляжу соседнюю делянку, — сказал он, — авось, там подберу подходящие лесины... А где рыбак-то обитает?

— В папиной комнате, — сказал Митька. — Глянь-ка, деда, какой он мне ножик отвалил!

— Видать, богато живет твой рыбак, — повертел в руках ножик дед. — Рыбак-чудак.

Он помолчал, а потом, с любопытством посмотрев на Митьку, сказал:

— Выдумываешь ты, парень... Не такой наш председатель человек, чтобы сердце на твою мать иметь.

Андрон не пошел к делянке. Он поднялся на березовый мостик и долго пристально смотрел в ту сторону, где рыбачил дядя Егор. Командирская фуражка старика была надвинута на лоб, а рука усиленно терла коричневую заросшую шею.

СУД

Вечером того же дня под окном раздался свист.

— Твои дружки, — сказала мать. — Чего это они на ночь глядя?

Митька набросил на плечи фуфайку, но мать замахала на него руками:

— Очумел? Мигом на ветру хворобу схватил...

— На минутку, мам? — попросил Митька.

— Сиди дома. Я сама... — Мать вышла на крыльцо и недовольно сказала:

— Горит у вас, что ли? Болеет он...

У забора стоял Степка и еще двое ребят. На них были белые рубашки с пионерскими гасуками. Волосы у Степки блестели. Видно, водой смочил. Лица у ребят строгие. Они переглянулись. Тритон-Харитон почесал нос и угрюмо спросил:

— Зачем Митьку окрестили? И еще в школу не пускаете.

— Сопляк, — рассердилась мать. — Вот уже прут выломаю...

Ребята о чем-то пошептались, и Степка снова сказал:

— Не имеете такого права в школу не пускать... И запирать человека на замок не имеете такого права.

— Ты чего там городишь? — Митькина мать спустилась с крыльца. — Кого запирать?!

— Повесите замок — опять сломаю, — сказал Степка.

— Ты у меня, лохматый, поговоришь! — Митькина мать схватила обшарпанный голик и двинулась к ребятам. Двое поспешно отско-

чили. Степка остался. В светлых отчаянных глазах его — гнев.

— Не имеете такого права бить, — сказал Тритон-Харитон. — Я не ваш, тетя Марфа, сын...

Митькина мать подошла к нему, подняла руку с голиком. Степка смотрел ей прямо в глаза. Даже в сумерках было видно, как побледнело его лицо. Он молча ждал удара. Женщина опустила руку.

— Ты про какой это замок толкуешь? — устало спросила она.

— На дверях который висел... Это я его камнем...

— Я не запирала... — сказала Митькина мать. Голик мягко упал в траву. — Идите, ребята, домой... Болеет он.

Она провела рукой по лицу и, сгорбив плечи, медленно пошла к крыльцу.

— Чего им надо, мам? — встретил на пороге мать Митька. — Зачем приходили?

— Так, сынок, — сказала мать. — Тебя проведать... — Она шагнула к окну, задернула занавеску.

Митька понимал, что ребята явились неспроста. Воспользовавшись моментом, когда мать повернулась к нему спиной, он выскочил на улицу. Ребята еще стояли на мосту. Митька подошел к ним.

— Здорово, — сказал.

Ребята молча смотрели на него.

— Чего вы, сдурели? — кисло улыбнулся Митька.

— Кто ты теперь такой? — спросил Тритон-Харитон. — Лесник или этот... «брат Митрий»?

— Мы с тобой разговаривать не будем, если не раскрестишься. — Димка подтолкнул Орлова плечом. — Верно, Серега?

— Не будем, — сказал Серега.

— И на мельницу не ходи... Нужна тебе эта свистопляска! — Тритон-Харитон посмотрел на Митьку и добавил: — А то я сам по себе, а ты сам по себе.

Митька не перебивая их слушал. А когда все выговорились, спросил:

— А как это раскреститься?

Серега посмотрел на Димку, Димка — на Серегу, а потом оба — на Степку.

Ребята молчали.

— В омут больше не полезу... Насиделся уж в омуте.

Степка сорвал травинку и, хмуря лоб, принял ее кусать.

— В омут лезть не надо, — подумав, сказал он. — Крест брось в омут.

— Нет креста.

— Есть, — сказал Степка. — Раз крестили, должен быть крест. Давай в омут его.

— В омут, — сказали Серега и Димка.

— Не жалеи, Мить, на кой ляд он тебе?

— Дураки, — сказал Митька и, повернувшись к ним спиной, зашагал к дому.

— Эй, Лесник! — окликнул Степка. — Погоди.

Митька, не оглядываясь, продолжал идти. Он слышал, как ребята о чем-то быстро заговорили.

— Лесник! — опять крикнул Тритон-Харитон. — Погоди, говорят.

Митька не остановился. Ребята бросились за ним..

— Стой! — Степкина рука цепко схватила за плечо. — Сымай крест.

— Уйди! — рванулся Митька, но тут подбежал Серега Орлов. Он дернул с плеч Митькину фуфайку. Митька плюнул ему в лицо.

— Ах, так! — Серега рванул за ворот, рубаха треснула.

Митька, сжав зубы, сопел. Ощетинившийся, как еж, он стоял против ребят. В прореху рубахи виднелась голая худая грудь, Митька молчал, но слезы подступили к глазам. За что?!

Тритон-Харитон первым опустил глаза в землю. Ковырнув ногой кучу листьев, сказал:

— Мы думали, у тебя крест... Прячешь.

— Я нечаянно твою рубаху, — сказал Серега. Он нагнулся и стал шарить под ногами. — Пуговица... Я найду...

Димка Ногтев поднял с земли фуфайку, накиннул Митьке на плечи.

Тот поежился под просторной фуфайкой, почесал ногу, на которой приспособился злой осенний комар.

— Нет у меня, Степка, креста, — сказал он. — Хоть лопни — нет.

— Я думал...

Но Митька не стал слушать, что думал Тритон-Харитон.

— Нет креста, — сердито повторил он и поплелся домой.

Ребята растерянно смотрели ему вслед.

— Черт! — вырвалось у Степки. — Я думал...

— Крещеный он или некрещеный? — перебил Димка Ногтев.

— Зря я ему рубаху разорвал, — со вздохом сказал Серега Орлов.

Степка яростно теребил пальцами буйные лохмы, молчал.

— Выходит он задаром выкупался? — спросил Серега.

— Задаром, — сказал Тритон-Харитон. — Обалдел парень.

Ребята гуськом вслед за Степкой направились по тропинке к лесу. С травы им на ноги брызгали холодные капли. Тритон-Харитон оглянулся на Митькин дом, одиноко черневший на берегу, сказал:

— Поживешь тут один в лесу — обалдеешь.

КОЛДУН

Приключится же с человеком такая беда: с вечера все было хорошо, а утром проснулся Митька — шею не повернуть. Скобочилась его голова. Кепку наденешь — валится.

Ходит Митька по избе злой, голова на правом плече лежит. Обиднее всего — врач наконец на улицу разрешил выходить. А куда в таком виде выйдешь? Кур смешить? Весь мир в глазах скобочился на одну сторону. Чтобы на небо посмотреть, надо чуть ли ни на землю ложиться. Рыбу и то ловить нельзя: поплавка не видно.

Терпел-терпел Митька такое безобразие, а потом надоело. «Пойду в школу, — решил он. — Посмотрю, как там ребята живут...» Даже Огурец показался не таким уж противным. Если разобратся, — он, Митька, тоже хорош! Чуть что, так и норовит ткнуть Петьку в жабры. Нахлобучил Митька на голову кепку покрепче, надел серую куртку с блестящей молнией и отправился в путь.

— Куда? — остановила мать. — Давай я тебе компресс сделаю.

— Пройдет, — сказал Митька.

Дверь из папиной комнаты приоткрылась, и в щели показалась сивая борода дяди Егора.

— Митрий, у меня к тебе дело есть, — сказал квартирант.

Дело! Знает Митька эти дела... Как пить дать, опять за свечами пошлет. Будто нельзя при керосиновой лампе богу молиться! Не все равно, что ли? Не пойдет он за свечами.

Митька зашвырнул кепку под лавку. Сел на подоконник и стал смотреть в окно.

— Брат Митрий, — услышал он торжественный голос дяди Егора, — сказать, о чем ты думаешь?

Старший брат пододвинул к окну табуретку

и сел рядом. Колени его равномерно постукивали друг о дружку. Митька вспомнил, что на одной ноге у него наколка: «Жизнь отдам за Марусю». Кто это, интересно, Маруся?

— Ты думаешь, брат мой, о мирских делах... О школе... Верно я говорю?

«Вот черт бородатый! — ахнул про себя Митька. — Как это он отгадывает?».

Дядя Егор задумчиво погладил бороду, долгим взглядом посмотрел на Митьку.

— Не хотел я тебе рассказывать эту историю... А теперь расскажу... — Он с минуту помолчал, прикрыв глаза белыми ресницами, и продолжал: — Так вот, есть в нашей секте один человек. Когда-то давно он восстал против воли родителей, братьев по вере и вместо того, чтобы богу служить, окунулся в мирскую суету. В школу стал ходить, в кино... И что ты думаешь? Через год у него вырос горб.

— И сейчас горбатый? — спросил Митька, вспоминая посетителей старой мельницы.

— Нет... Он раскаялся. Стал денно и ночью просить бога, чтобы его исцелил. И братья просили. И бог внял их молитвам. Простил. Горб стал уменьшаться и превратился в орех.

— Почему в орех?

— Чтобы этот человек всегда помнил о том, что бога гневить нельзя...

— А где этот человек?

— Здесь, — сказал дядя Егор. — Этот человек — я!

Митька сбоку заглядывал старшему брату в лицо, надеясь увидеть улыбку. Но дядя Егор был серьезен. Глаза его ласково и печально смотрели на Митьку.

— Так не бывает, — сказал Митька.

Дядя Егор задрал сзади рубаху, обнажив белую гладкую спину. Возле волосатой лопатки темнел бугорок.

— Пошупай.

Митька осторожно дотронулся пальцем до круглой, твердой шишки. Точно, орех!

— О боге думай, брат Митрий... — дядя Егор заправил рубаху в штаны и посмотрел на потолок. — Не поддавайся сатане, так и ему власти не будет над тобой!

Он почесал бороду и, помолчав, добавил:

— Вечером моление... Приходи.

— А... а что я буду делать?

— Молиться!

— Орать и на коленях ползать?

— Молиться!

— Я не умею...

— Научу... Запомни, брат Митрий, от бога отказаться — к сатане пристать. — Дядя Егор достал из кармана деньги и протянул Митьке. — В сельмаг сходишь за свечками. И конфет купи.

Против конфет Митька не возражал.

— А куда ты свечи положишь? — спросил дядя Егор.

— В бумагу завернут.

— В бумагу не годится, — сказал дядя Егор. — В портфель положи.

«Проверю-ка я его сейчас... — подумал Митька. — Узнает про портфель?»

— Портфель я в речку бросил, — сказал он. — Зачем он мне теперь?

— Вот беда, — нахмурился старший брат.

«Не узнал! — ликовал Митька. — Значит, не все умеет отгадывать».

— На чердаке портфель... — улыбаясь, сказал он.

— Опять грессишь? Гляди...

— А что сказать, если спросят: зачем мне столько свечек? — перебил Митька.

— Скажи, у мамки все еще поясницу ломит... Парафином лечит.

Митька остановился у двери и насмешливо посмотрел на старшего брата.

— Скажу — ночью на мельнице будем палить эти свечки. Врать-то грех!

Дядя Егор схватился за бороду и открыл свой широкий рот. Но так ничего и не сказал. Митька полюбовался его вытянутой физиономией и, перешагнув через порог, захлопнул за собой дверь.

ХАРИТОНОВ СЕРДИТСЯ

Митька обеими руками изо всей силы толкнул тяжелую дверь и мешком вывалился в темноту. Кубарем скатившись по трухлявым ступенькам, на коленях пополз в кусты. Мокрые ветви хлестали по лицу, холодные дождевые капли осыпались на голову, шею. Он всхлипывал и тихонько, словно побитый щенок, скулил.

Дверь открылась и на заросшую травой тропу упало желтое колеблющееся пятно. Вместе со светом из двери выплеснулся разноголосый вопль.

— Брат Митрий, — негромко позвал дядя Егор. — Вернись.

Митька зарылся лицом во влажные, пахнущие гнилью листья. Стиснул зубы так, что глазам стало больно.

— Митрий! Кому говорю!?

Ветер принес из-за мельницы шелест деревьев. Смутная фигура еще потопталась на крыльце, кашлянула и снова исчезла за дверью. Сразу стало тихо, как в яме. Над головой висела звезда. Ее ясный голубоватый свет дрожал, дробился на множество тонких, как паутина, лучей. Митька с трудом оторвался от земли, встал и, спотыкаясь, побрел вдоль заросшего кустами берега.

Знакомые сосны расступились перед ним. Опустив голову, Митька шел по тропинке. Справа, слева, впереди — забелели березовые

стволы. Чем дальше — тем они блее. Где-то за деревьями скрывалась луна, и бледный холодный свет ее высеребрил под ногами тропинку. От папоротников, обступивших с обеих сторон дорожку, падала кружевная тень. После того, что Митька пережил на мельнице, страх перед лесом вдруг пропал. Здесь, под сводом старых деревьев, он почувствовал себя спокойнее, чем там, на мельнице.

На миг представил себе лица молящихся и содрогнулся. Эти лица, освещенные желтым прыгающим пламенем свечей, не были похожи на человеческие. Вместо глаз — черные мерцающие ямы. Вместо ртов — сплошной вопль. Вместо одной головы у каждого, кажется, три — четыре. Сведенные судорогой пальцы хватают, что попало, бешено рвут. Митька провел рукой по куртке, так и есть — карман вместе с молнией оторвали... А мама... Нет, это была не мама! Чужая, незнакомая женщина колотилась на полу и выла, как голодная волчица зимой. На синих губах — пена. Противная мелкая дрожь потрясла худое Митькино тело.

Он даже не заметил, как сходу налетел на человека, идущего навстречу. Человек схватил Митьку и легко поднял в воздух.

— Пусти-и! — засучил ногами Митька и умолк, заметив колючие усы дяди Гриши.

— Из дому? — спросил Харитонов. Он за-

глянул в Митькины глаза и поставил его на землю.

— Мать? — коротко спросил он.

Митька покачал головой.

— Кто?

Митька промолчал. Дядя Гриша взял его за руку, подвел к поваленной у самой просеки сосне. Зашуршав плащом, присел. Был он без рубья и сапоги на нем были не охотничьи.

— Садись, — сказал дядя Гриша, — в ногах правды нет...

Митька, запахнув курточку, сел и сбоку посмотрел на дядю Гришу. Хмурый он нынче. Глаза колющие. На обветренных щеках обозначились скулы. В зубах зажата потухшая папироска.

— Пойду я... — заерзал Митька. — Холодно.

— Сиди, — сказал дядя Гриша. Встал, стасил с широченных плеч брезентовый плащ и накрыл им Митьку с головой.

— Выкладывай, друг, все начистоту, — помолчав, сказал он. — Что там у тебя дома?

— Ничего... Живем помаленьку.

— Не крути! — еще больше нахмурился дядя Гриша. — Валяй, выкладывай... И про чертей не забудь, что по ночам пляшут на мельнице.

Дядя Гриша сидел совсем близко. Такой большой, сильный. И пахло от него табаком-самосадом, полевой травой и еще чем-то неуловимо знакомым... Митька вспомнил отца. Покос. Вот так же рядом полулежали они на молодой душистой копенке, а внизу сонно бормотала река, резво всплескивала рыба, возле уха плели тонкую звонкую паутину комары. За лесом, на фоне неподвижных обугленных туч, полыхали бледно-желтые вечерние зарницы. Там, где прокос упирался в зеленую волнистую стену травы, торчали две косы. Одна большая с длинным, как сабля, жалом. Другая маленькая, Митькина. На отцовской косе сидела черноголовая синица, вертела хвостом и верещала. Где-то внизу, у самой реки паслась стреноженная лошадь. Когда она передвигалась, до них доносился звон бубенчика. Отец, намахавшийся за день косой, молчал. И Митька молчал...

— Ну? — твердая рука дяди Гриши растрепала Митькины волосы. — Охмурили тебя, брат Митрий?

«Брат Митрий» он произнес с ударением и невесело улыбнулся.

Митька рассказал все: как крестили его в реке, как заболел он после этого и как воят и ползают на мельнице во время молитв сектанты.

— Они все трясутся и орут, мне боязно. Ух, как боязно! Какие-то они становятся чумные!

Митька умолк. Харитонов пристально смотрел на толстую березу. Редкие листья на ней чуть заметно шевелились. «Говорил Расскажи, да Расскажи, а теперь сердчает...» — подумал Митька.

— Из-за леса, из-за гор прибыл дядя к нам Егор... — угрюмо произнес председатель сельсовета.

— Старший брат он, — сказал Митька. — Самый главный. Он умеет угадывать, что у кого в голове.

— А гвозди и тарелки глотать умеет?

— Не... Может зараз сколько угодно блинов съесть.

— Темная личность, этот дядя Егор! — зло заговорил дядя Гриша. — Околпачил твою мать и тебя туда же... Эх ты, пионер! Говорил он тебе, мол, бросай учебу?

— Будешь учиться, горб, говорит, вырастет...

— А газеты, книжки не велел читать?

Митька промолчал.

— А зачем тебе говорят все это, не сообразил?

«Зачем? — подумал Митька. — Галстук не велел носить, мол, бог, ничего красного не терпит... Как будто бог — это сельский бык Мишка! А где бог? Врут, наверное, что он в них входит... А может быть, притворяются?»

— Дядя Егор говорил, что книжки и газеты грех читать, — сказал Митька. — Богу угодно, чтобы все «Библию» читали и молились. И он тогда сам войдет в тебя и научит всему на свете. Даже может научить немецкому и английскому языку. Тетка Лиза говорит, что уже научилась. Я сам слышал, как она во время святых молитв шпарит не по-нашему.

— Комедианты! — покачал головой дядя Гриша.

Митька придвинулся к нему вплотную, схватил за рукав и зашептал:

— Трясутся, того и гляди головы у них потоскакивают. И мне велят. А я не умею!

— Дурачок ты, — обнял его за худые плечи председатель. — Выздоровел? Ну, и иди в школу.

— А в школе ребята дразнят.

— Экий ты цыпленок... Дразнят!

— Я бы дал кому хочешь в ухо, да дядя Егор говорит, — драться грех.

— Плохи твои дела, — усмехнулся Харитонов. — Не парень ты теперь, а... Этот прощелыга не советовал тебе юбку надеть?

— Что я, девчонка? — обиделся Митька.

Он вывернул голову из-под руки дяди Гриши и исподлобья посмотрел на председателя. Лицо у Харитонова серьезное. Не шутит.

— Усы у вас рыжие... Сбрили бы, — сказал Митька.

— Не хочу, — слегка улыбнулся дядя Гриша. — Мне с усами сподручнее... Между прочим, у Чапая тоже были рыжие усы. А вот у тебя усы не вырастут.

— Почему?

— Потому что ты — монашка.

Митька прыгнул с сосны и, запутавшись в плаще, упал. Вскочив на ноги, подобрал плащ и бросил дяде Грише.

— Возьмите!

Но тут кто-то громко и визгливо крикнул. Митька вздрогнул и остановился.

— Как противно орет, — сказал он.

— А ты знаешь, кто это? — спросил дядя Гриша.

— Сатана!

Дядя Гриша встал, надел плащ.

— Хочешь, покажу тебе сатану?

Большой, грузный, он легко шагал впереди, осторожно раздвигая ветви. Опять хохотнуло, совсем близко. Дядя Гриша остановился. Сквозь ветви толстой осины просвечивало звездное небо.

— Здесь! — одними губами сказал дядя Гриша.

Лес настороженно молчал. Луна освещала кроны деревьев, а что творится под лиственным шатром, было не видно. Дядя Гриша сделал еще несколько бесшумных шагов и помянул Митьку. С минуту, задрвав вверх головы, стояли они под осиной и вглядывались в ветви.

— Сидит, ушастый разбойник, — прошептал дядя Гриша. — Видишь? Да не туда смотришь. Вон, на суку!

Митька с трудом рассмотрел среди ветвей большой ком перьев. На нем комок чуть поменьше, круглый. Вот он повернулся, и Митька увидел два светящихся зеленых глаза и две кисточки на месте ушей. Под Митькиной ногой хрустнул сучок. Глазастая, ушастая голова быстро-быстро завертелась. Митьке показалось, что она сейчас открутится. Но голова не открутилась. Она остановилась, скрипуче шелкнула горбатым клювом, и филин, сорвавшись с ветки, пропал в темноте. Чуть погодя, далеко над вершинами деревьев в ночном небе еще раз чиркнуло широкое крыло.

— Жалко, ружья не взял, — сказал дядя Гриша. — Капут был бы твоему сатане...

Они вышли к реке. Возле берегов Калинка была тихая, темная, а посередине играла, светилась. Вниз по течению плыли мерцающие звезды. В кустах тоненько пискнула, захлопала крыльями какая-то птица. И затихла. Вдали над водой и кустами неясно вырисовывалась мельница. Тень от старого дуба наполнила скрыла ее от глаз. Мшелая дранка под луной мягко серебрилась. В Митькином доме светилось окно. На белой занавеске отпечатались две головы и неестественно огромная самоварная конфорка. Дядя Егор и мама уже пришли. Чай пьют.

Председатель сельсовета на окно не смотрел, он смотрел на мельницу.

— Ишь, где обосновались, хитрые братья, — сказал он. — Нашли тихую обитель...

Митька глядел на окна своего дома, и сердце его тоскливо сжималось. Не хотелось ему идти домой. Дядя Егор будет ругать за то, что убежал из молельни. А мать будет качать головой и плакать. Митька вздохнул.

— Пойдем к нам, — угадал его настроение дядя Гриша. — Ляжешь со Степкой.

Искушение было велико. Но Митька, вспомнив, как его дядя Гриша обозвал «монашкой», решил быть мужчиной и отказался.

— Как хочешь, — сказал Харитонов. — А то пойдем? Степка обрадуется... Что еще этот... делает?

— Удит рыбу.

— Много собирается их на мельнице?

— Не считал, — сказал Митька.

Харитонов достал из кармана пакет, протянул Митьке:

— Гостинец... Из Москвы.

Митька взял тяжелый пакет, прижал к груди.

— Дядя Гриша, — шепотом сказал он, — пойдемте лучше к нам, а?

— Поздно, Митя...

— Больше не придете?

— Приду... — помолчав, сказал Харитонов. — Ну, будь здоров, Дмитрий. Что Степке-то сказать?

— Ничего, — сказал Митька. — Я сам его увижу. А за гостинец... спасибо!

СЮРПРИЗ

В воскресенье утром Митька встал поздно. Немного полежал с открытыми глазами. Ему всю ночь снился страшный сон. А какой, никак не мог вспомнить. В памяти сохранилась только высокая скала с одинокой сосной. Со скалы

падали камни. Они падали без грохота, как будто были сделаны из тряпок. Это конец сна, а начало так и не смог припомнить.

В доме тихо. Кажется, спят. Митька оделся, умылся и стал разыскивать съестное. В чугуне

нашел тушеную картошку с мясом. Подцепил полную поварешку и стал есть. Мать заворочалась на кровати, но не проснулась. За стеной кряхтел квартирант. Он наверное не спал, но вставать было лень.

За окнами сумрачно. На мокрых стеклах — извилистые дорожки. Дождь. Митька отвернулся от окна и вдруг что-то шлепнулось на пол, подкатилось к ногам. Шишка! Еловая шишка. Рядом с ней еще две. Вот, значит, какие «камни» падали со скалы...

В распахнутой форточке показалась Степкина голова. На растрепанных волосах блестели капельки дождя.

Митька выскочил на крыльцо.

— Ну и здоров ты спать, — подошел к нему Степка. Пиджак у него на животе оттопыривался. — Я в тебя еловыми шишками кидался... Промазал?

— Мне сон снился, — сказал Митька.

— Книжки принес, — Степка запустил за пазуху руку и вытащил две книжки. «Судьба барабанщика» Гайдара и «Чудотворная» Тендрякова.

— Божественная... — удивился Митька.

— Как раз для тебя, — сказал Степка. — Ты ведь богомол.

Митька нахмурился, вернул книжку приятелю.

— Не надо мне божественных... Читай сам.

— Я читал, — сказал Тритон-Харитон ухмыляясь. — Теперь ты прочитай... Интересная, не то что «Библия»...

Книги надо было спрятать. Иначе мать опять отберет. А то и в печке сожжет. Что ей дядя Егор скажет, то и сделает.

— Пошли в амбар, — сказал Митька, — там посидим.

В амбаре раньше было сено, а теперь хранились дрова. Ребята выбрали два толстых чурбака и уселись на них. Горьковато пахло березовой корой и опилками. Слышно было, как в крышу ударялись дождевые капли и долго скатывались вниз. Глаза быстро привыкли к сумраку: над дверью было небольшое квадратное оконце, но свет падал не на ребят — на початую поленицу.

Митька раскрыл книгу и стал листать, внимательно рассматривая картинки. Степка молча наблюдал за ним.

— От нашей школы зимой экскурсия поедет в Москву, — сказал он.

Митька листал книгу и помалкивал.

— Пятнадцать человек поедут...

Митька шуршал страницами.

— Кремль будут осматривать, мавзолеей и всякие примечательности.

Митька захлопнул книжку и сказал:

— Врешь ты, книжка-то совсем не божественная, а наоборот...

— А ты почитай... Это батя мой велел тебе дать.

Митька снова открыл книжку и увидел, что она не из школьной библиотеки, а из поселковой.

— И мамка твоя пусть почитает...

Митька промолчал.

— Хочется в Москву, — Степка прищурил оба глаза и шумно, как корова, вздохнул.

— Мне и тут хорошо, — сказал Митька. Он знал, что его все равно в Москву не возьмут. У него две двойки и троек хватает. Степка поедет. Он не отличник, но если захочет, может учиться без троек. Степка наверняка поедет. Ему раз плюнуть тройку исправить...

Тритон-Харитон завертелся на березовом чурбаке, на лице его все шире расплывалась хитрая улыбка.

— Ты чего? — угрюмо покосился на него Митька.

— Я что-то знаю... — улыбка на Степкином лице расплылась до ушей.

— Брехун ты!

Степка перестал улыбаться.

— Я не брехун, — сказал он. — Тебя, дурака, хотят в Москву взять... Понятно, если пару по географии исправишь.

— Откуда ты знаешь?

— А вот знаю, — уверенно сказал Степка.

Митька никогда в Москве не был, но слушая в полночь бой курантов, он всегда представлял себе Красную площадь, мавзолей, Кремль. Он слушал по радио шум автомобилей, голоса людей и твердо решил, когда будет в Москве, то в двенадцать часов придет на площадь, станет у Спасской башни и громко крикнет: «Ого-го-го! Это я, Митька Лесник!» И пусть все-все услышат Митькин голос. И в Сосновке, и в других городах и селах.

Но тут он вспомнил мельницу, мать, дядю Егора. А если Сан Саныч узнает, что Митька окрестился в реке?..

Митька смотрел себе под ноги и все больше хмурился.

— Не поеду, Степ, в Москву, — сказал он. — Нельзя мне.

— Брось трепаться.

— Я и в кино увижу.

— Мамка не пустит?

— Нельзя мне, — сказал Митька.

За стеной кто-то приглушенно кашлянул. Ребята переглянулись.

— Кто это? — шепотом спросил Степка.

Митька пожал плечами и засунул книги в дрова. Явственно зашелестела мокрая трава, дверь с тягучим скрипом отворилась, и в широком светлом квадрате появился дядя Егор. На его плечи был накинута зеленая отцовская дождевик.

— Ишь, куда, шпингалеты, схоронились, — весело сказал квартирант. — В карты режетесь?

— У нас и карт-то нет, — сказал Митька.

— А чего же вы тут делаете?

— Дождь слушаем.. — подал голос Степка. Он с любопытством разглядывал дядю Егора.

А тот перевернул сосновую чурку и уселся на ней как ни в чем не бывало. Борода и волосы на голове были мокрые. Видно, долго стоял под дождем. Митька вдруг обнаружил, что у старшего брата на макушке просвечивает розовая лысина.

— Дядя Егор, у вас плешь, — сказал Митька.

Треугольные глаза квартиранта стали веселыми. Он провел ладонью по волосам, а когда убрал руку — лысина исчезла.

— Гляди — нету! — удивился Митька.

Дядя Егор достал из потайного кармана пиджака почти новую колоду карт и подкинул на ладони:

— Умеете?

— В подкидного, — сказал Степка.

— Это чепуха, — усмехнулся дядя Егор. — Научить вас в преферанс?

Он разложил карты на полу и стал объяснять. Ребята смотрели на его тонкие пальцы и слушали. Но когда стали играть, ничего не получилось. Трудная игра, непонятная. А дядя Егор так весь и светился улыбкой. Ему нравилось перебирать карты, щелкать ими, тасовать. Он все-таки научил их играть в другую, более простую игру. Достал из кармана большой кулек шоколадных конфет и разделил на три равные части.

— Это вам, — пододвинул он две кучки ребятам.

Митька взял одну конфету и положил в рот. — Это для игры, — сказал дядя Егор. — Одна конфета — рубль.

Скоро все конфеты снова перекачались к нему. Митька проглотил слюну и бросил карты квартиранту на колени.

— Я не хочу конфет.

Дядя Егор рассмеялся, убрал карты в карман, а все конфеты пододвинул ребятам.

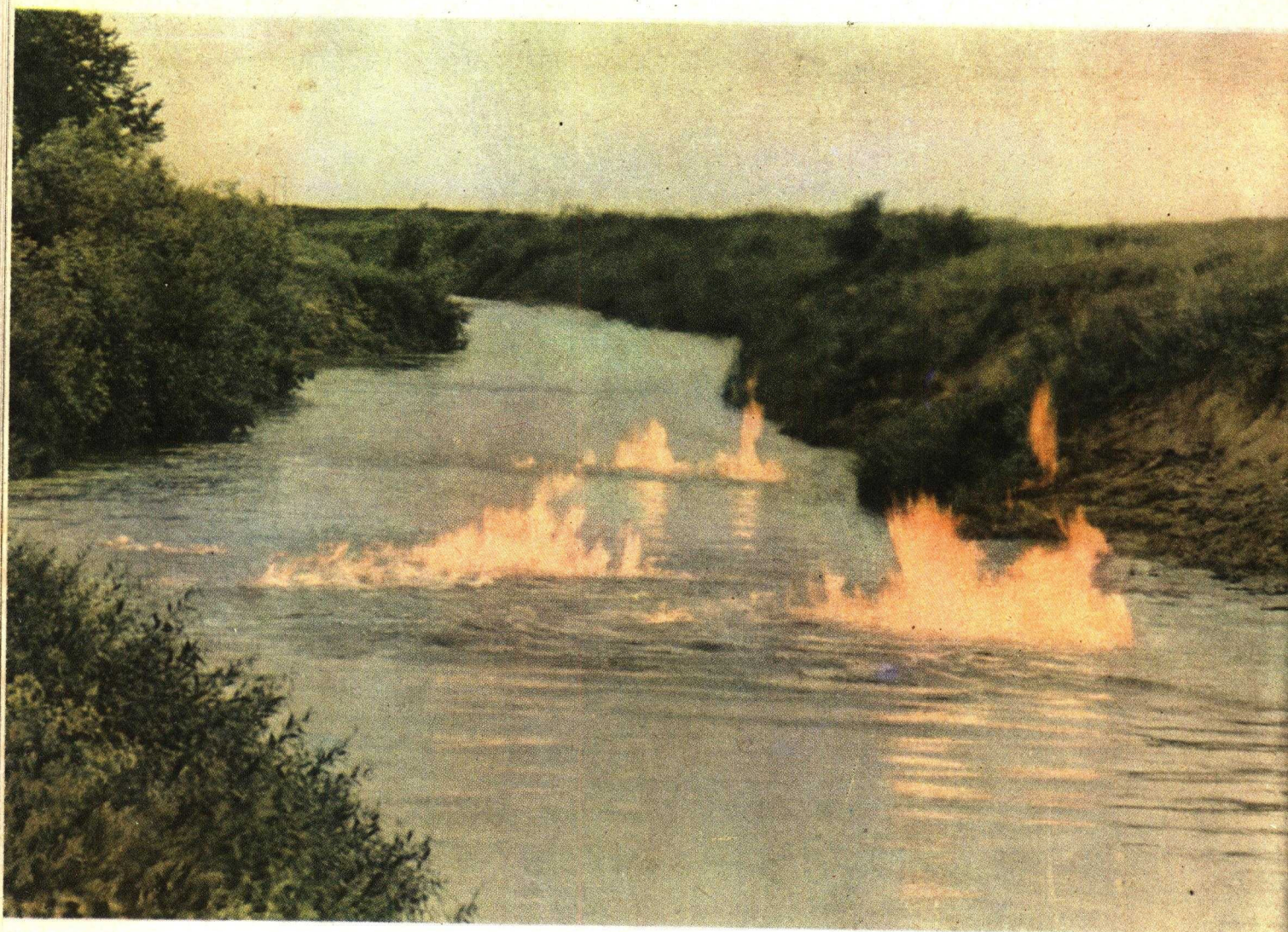
Когда он ушел, Митька с интересом посмотрел на приятеля и спросил:

— Хороший мужик?

— Борода у него противная... — сказал Степка, запихивая в рот сразу две конфеты. — Вкусные, черт...

Окончание следует

РЕКА ГОРИТ...

Этот снимок сделан в прошлом году на Днестре во время путешествия в Закарпатье ребят, членов Клуба юных геологов Ленинградского Дворца пионеров. На Днестре ребята наблюдали редкую картину—пожар на воде. На фотографии красные языки пламени. Они у берега и на середине реки. Кажется, что горит вода...

Спокойная река становится похожа на горный поток, десятки „родничков“ возникают на речной глади, когда природный газ пробивается под землёй к реке. Промысловики поджигают его, чтобы он сгорал, а не отравлял воздух.

Пожар красив только на фотографии. На самом деле выход газа на поверхность—опасное стихийное бедствие.

Ребята видели, как специалисты-промысловики и геологи искали, откуда мог взяться газ. Нельзя было терять ни одного дня не только потому, что напрасно горело ценное топливо—главное потому, что опасность угрожала людям...

Фото Б. Ритова

КИШИНСКИЕ СЕКРЕТЫ

В. Любичкая

Рисунки Л. Коростышевского

В первый год не удалась кукуруза пионерам. Выросла не больше метра, да и ту не удалось сберечь. Брели мимо коровы—подошли, понюхали, стали жевать.

Взрослые утешали ребят:

— Не горюйте. Не росла у нас кукуруза и не будет расти. Посмотрите, какие кругом урожаи: 200 центнеров с гектара — уже достижение.

Но когда осенью стали в школе советоваться, что сеять на следующий год, семиклассница Люба Кисина сказала:

— Кукурузу. На всей нашей земле — кукурузу.

Люба могла говорить так твердо. На пришкольном участке она ведала опытными грядками. Несколько лет на них сеяли кукурузу, отбирали сорта, знакомились с их характерами.

Учительница биологии Надежда Петровна поддержала Любу: — Сажаем кукурузу, ребята. Но...

«Но» было короткое, а содержало в себе многое.

Некоторые горожане думают: что на селе зимой делать? Пришел из школы, залез на печку — и лежи, или бегай себе на лыжах хоть до самого вечера.

Всю зиму кишинские ребята возили на свой участок навоз, золу, минеральные удобрения. За делами не заметили, как подошла весна, а там и лето прошло.

Осенью Светлана Новоселова ездила в Кострому — на пленум Обкома комсомола. Вернулась гордая. Показала ребятам подарок: именные часы с надписью — «Председателю совета дружины — Светлане Новоселовой от ЦК ВЛКСМ». О кишинцах теперь

знала вся область: они сняли по 800 центнеров зеленой массы с гектара.

Понеслось из района в район слово, которое обязательно про-

износили теперь рядом с именами кишинских ребят: секрет...

На колхозных собраниях слышались голоса: «Не иначе, как известен школьникам какой-то секрет, потому что неподходящий у нас для этой культуры климат...»

Теперь, когда на школьном собрании обсуждали вопрос о следующем урожае, ребята чувствовали себя уверенно. У них уже был опыт.

А желания — даже через край. Растить кукурузу нравилось всем без исключения. Только вот земли маловато... Два гектара всего. Ходили, просили еще. В правлении говорили: «Подумаем...» Шли дни, а новой земли все не было.

Однажды в совхоз приехал секретарь райкома партии. Вместе с работниками совхоза он ходил по полям, смотрел, советовал. Дошли до участка, где работали пионеры. Ребята отошли в сторону — поняли, что сейчас решится их судьба. Директор школы жаловался: не дают ученикам землю...

Секретарь райкома посмотрел на директора совхоза, оглянулся на замерших, серьезных ребят, улыбнулся и сказал: — По-моему, надо отдать все пять га. А, товарищи?

Не успел сказать, полетели вверх шапки — и взрослым пришлось прикрыть уши руками, такое громкое «ура» раскатилось по полю.

И снова навоз, минеральные удобрения, зола... Лошадь одна, а гектаров — пять! Миша Комяков и Саша Мухин запрягали после уроков тяжеловоза Чалку, и телегу за телегой свозили удобрения на поле.

А в мае всей школой вышли сажать кукурузу. Поле поделено на квадраты. Идут ребята вдоль поля, по три человека — от одного конца до другого. Первый делает лунку в квадрате, второй — кладет удобрения, третий — сажает семена. В каждую лунку по пять зернышек. Одно нельзя — а вдруг не прорастет?

31 мая кончили посадки. И все равно целыми днями пропадали на поле. Волновались: как-то взойдет... И вот однажды утром увидели: нежные зеленые росточки весело выглядывают из каждого квадрата.

Есть в Костромской области свое зло. Это грачи. Тучами покрывают они поля с молодыми всходами. И когда поднимаются грачи с поля, оставляют после себя мертвую черную землю.

Пятнадцать дней дежурили мальчишки подле кукурузы и жили тут же, в палатке, у самого поля. Грачам была объявлена настоящая война. Малыши таскали на поле консервные банки, связывали их в длинные цепочки. Старшие сколачивали деревянные кресты для пугал, выпрашивали дома старые пальто, шапки, кастрюли...

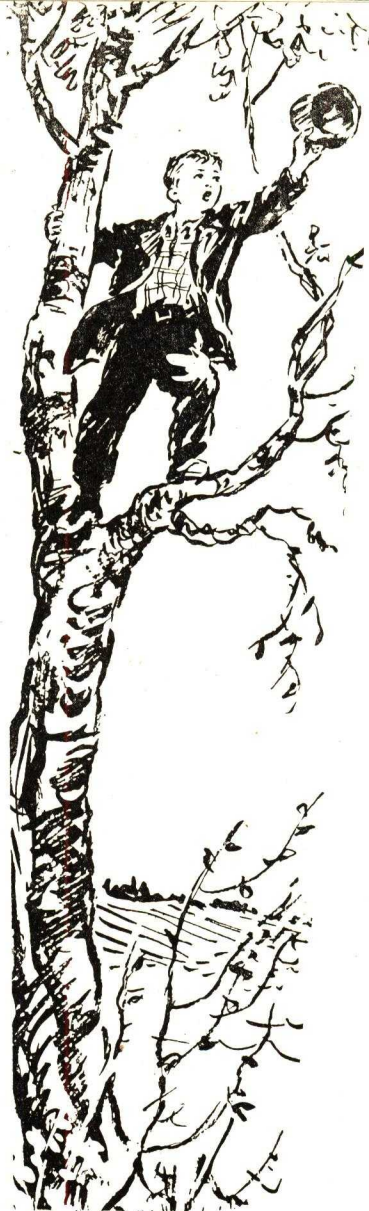
Расставили чучела по всему полю, одели, как полагается. Издали даже человеку не разглядеть, что это чучела, а грачам и подавно. Гирлянды из банок растянули по участку. Дернешь за банку — и дзинь-ля-ля! — несется треск и звон аж до самого Кишина!

Два часа — смена. Два часа — смена.

Кто на дежурстве — ходит по полю дозорным. Коля Манин залез на березу. Увидит — приближаются птицы, кричит тем, кто на поле. «Механизация» действует.

Кончилась смена — вари обед, отдыхай, беги на речку.

Если ночь — ложись на здоровье спать. В темноте грачи не опасны. А начнет светать,

будь зорким, смотри в оба. Летят грачи-разбойники.

Ни одного грача не допустили до кукурузы. А когда молодые ростки окрепли, грачам они были уже не под силу.

Отстоишь побег от грачей — почти половина урожая в руках. Но работы впереди еще много: окучивание, подправка, прополка... Тут приходилось потеть и младшим и старшим. Малыши ходили и задавались: «Кому легче нагнуться — первокласснику или долговязому восьмикласснику?»

...Была кукуруза как лес. Каждый стебель до четырех метров. А сегодня шелестят листья на последнем гектаре. Убирают кукурузу.

Мальчишки радуются, руками машут. Шуточки, девяносто пятьдесят центнеров с одного гектара!

Борька Богомоллов, красный, волосы растрепанные, кричит:

— Не девяносто пятьдесят! Тысяча, тысяча пятьдесят!

Остальные отмахиваются:

— Ладно уж. Не кричи. 950 — это все равно больше, чем у всех.

Девочки подбежали, говорят: — Здорово, очень здорово. И жалко...

— А жалко-то что?

— Да сами не знаем. Только почему-то сразу и радостно и грустно.

«Вот чудачки!» — думают мальчишки. — Грустно, что поле стало голым... Ведь все будет снова. И кукуруза вырастет, и урожай снимем еще больше...

— Пошли на речку!

Гуськом по тропинке — мелькают голые пятки, черные спины, косички-голубые бантики...

Я приехала в Кишинскую школу в тот день, когда Галя Беляева вернулась из Москвы, с совещания передовиков сельского хозяйства центральных областей нашей страны.

На большой перемене все, кто был в этот день в школе — ученики, учителя, гости из совхоза — собрались послушать, что расскажет Галя. Ведь она была в Кремле и выступала. Как взрослая!

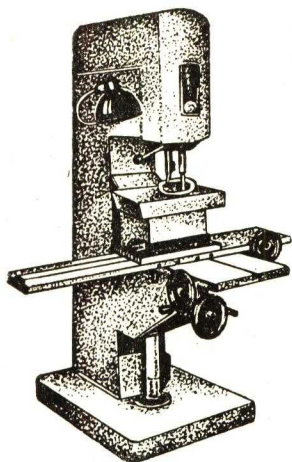
А когда кончалось собрание, подняла руку маленькая девочка. Она попросила:

— Галя, повтори еще раз, что сказал тебе Никита Сергеевич. Галя улыбнулась:

— Он сказал мне: «Молодцы, ребята! Трудитесь еще лучше».

А потом добавила:

— Это Никита Сергеевич всем нам сказал. Всей школе.

УЛЬТРАЗВУК ЗАСТАВИЛИ...

...СВЕРЛИТЬ АЛМАЗ

Эти стальные пластинки с отверстиями называются фильерами. Через отверстия уменьшающегося размера протягивают проволоку, и после каждой «протяжки» она становится тоньше. Правда, с течением времени фильеры изнашиваются, и проволока не получается такой, как надо. Особенно чувствительно это, когда речь идет о проволоке тоньше человеческого волоса...

И вот решили делать фильеры из самого твердого материала — из алмаза. А отверстия в фильерах сверлить с помощью ультразвука.

В небольшом станке колеблется стержень, а под ним в капле жидкости алмазные пылинки царапают алмаз и проделывают в нем отверстия тоньше человеческого волоса.

...ОБРАБАТЫВАТЬ КАМЕНЬ

Камнерезчики обрабатывают красивые уральские самоцветы. Эти камни тверже стали, и над каждым произведением искусства человек работает месяцами и даже годами.

Можно ли работать по камню быстрее? С помощью ультразвука — можно!

Вот пластинка из розового кварцита. Резец гравера не касался ее. На ультразвуковом станке всего за несколько часов было получено это изображение.

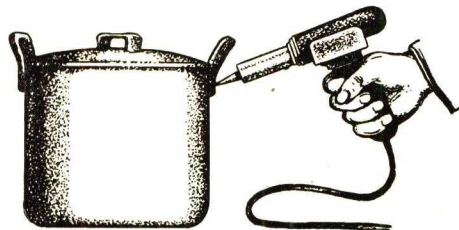
Предварительно гравер вырезает рисунок на металлической болванке. Она станет основной рабочей частью станка. Инструмент будет двигаться вверх и вниз над камнем, который полит жидкостью с абразивом. Инструмент отколет мельчайшие кусочки камня и постепенно на камне «отпечатается» рисунок, вырезанный гравером.

...ПАЯТЬ КАСТРЮЛИ

Продырявилась алюминиевая кастрюля. Еще недавно ее пришлось бы выбросить, потому что алюминий не умели паять. При нагревании на металле возникала окисная пленка, она-то и мешала образованию прочного шва.

И вот в руках рабочего новый — ультразвуковой — паяльник, вроде пистолета, из дула которого торчит «жало», — стержень красной меди. Место пайки нагревается этим стержнем. Ультразвук заставляет стержень колебаться. Колебания разрушают окисную пленку, алюминиевые детали крепко спаиваются.

...УБИВАТЬ МИКРОБОВ

В воде и молоке могут появиться микробы, опасные человеческому организму. А кипячение не всегда применимо для стерилизации. Тем более на заводе, куда поступают тонны молочных продуктов.

Ученые установили, что ультразвук убивает микробов.

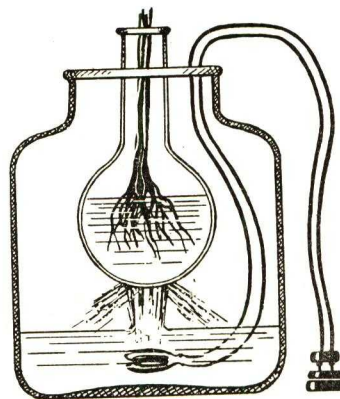
Вот и представьте себе действие ультразвукового стерилизатора: молоко течет по трубам, стенки которых вибрируют под действием ультразвука. Ультразвук полностью обезвреживает молоко.

...НАСТАИВАТЬ ВАЛЕРИАНКУ

Фармацевты знают, как долго мочнут в спирте корни растений валерианы до того, как можно будет приготавливать из них простое лекарство — валериановые капли.

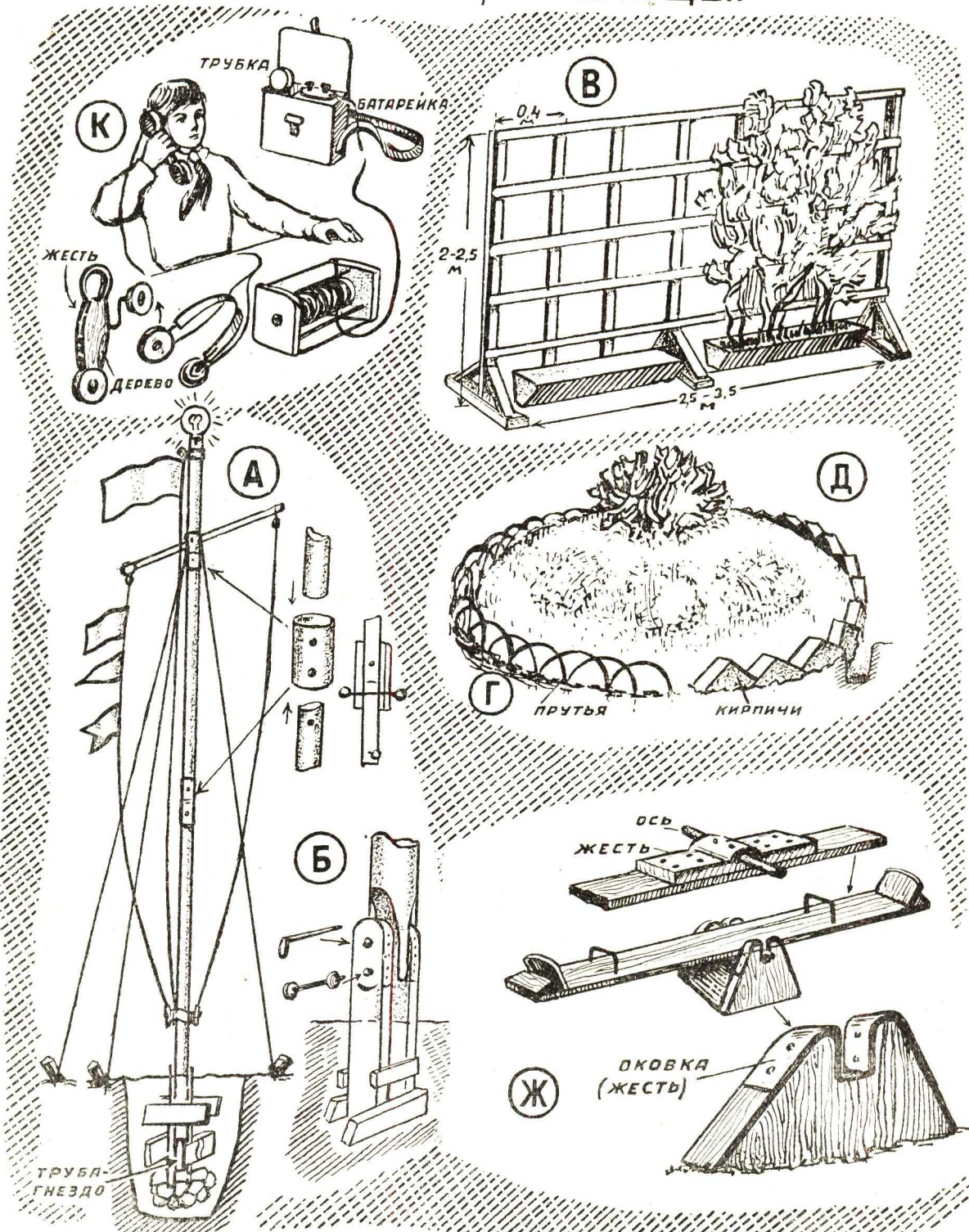
Недавно заставили ультразвук потрудиться и здесь.

Колбочку со спиртом и корнями валерианы подвешивают над сосудом с водой. Колебания ультразвука создают «ультразвуковой фонтанчик». После «озвучивания» корни валерианы настаиваются не за сто часов, как раньше, а за десять — пятнадцать минут.

И. Квятковский

ЗА РАБОТУ, УМЕЛЬЦЫ!

Есть у вас пионерская площадка во дворе? Нет? Тогда беритесь за дело.

Площадка без мачты — не площадка. Соорудите мачту из старых стальных труб (рис. А), или деревян-

ную, «заваливающуюся» (рис. Б). Такую мачту легче отремонтировать, если порвется фал для подъема

МОЁ ПИСЬМО

В. Голявкин

Как только учебный год кончился, мы собрались всем классом. Обсуждали, что будем делать. Все разное говорили. А Володя сказал:

— Давайте Анне Петровне письма напишем. Где кто будет — оттуда напишет. О том, что увидел летом. Как провел время.

— Правильно! Правильно!

На том и порешили. Разъехались мы, кто куда. Я в деревню поехал. Сначала я в деревне пожил, а потом

письмо написал. Пять страниц. Я написал, как я спас тонущего, как я тушил горящий дом, как я заметил лопнувший рельс и установил целый поезд.

И еще много всего такого, чего со мной не приключалось. Я не останавливал поезд, и не спасал тонущего, и не тушил горящий дом. Я это все выдумал, чтобы меня похвалили.

Я был очень доволен своим письмом.

И я отправил письмо по почте.

Потом лето кончилось. Начались занятия.

На уроке Анна Петровна сказала:

— Очень многие написали мне письма. Хорошие, интересные письма. Некоторые я вам прочту.

Вот сейчас, думаю, будет мое письмо. Наверное, самое первое. В моем письме столько героических поступков. Все будут хвалить меня и восхищаться.

Анна Петровна прочла много писем. Но я никак не мог дожидаться, когда она прочтет мое письмо. Она его совсем не прочла.

Наверное, письмо затерялось в дороге.

Рисунки автора

РАЗГОВОРЫ

(Из польских журналов)

— Если ты не будешь есть суп, я позову трубочиста.

— Ты думаешь, мама, трубочист будет его есть?

*

— Что делают ваши девочки?

— Они шьют и напевают.

— А мать?

— Распарывает и вздыхает.

*

— Зачем ты купил ворона? Что ты будешь с ним делать?

— Посмотрю, проживет ли он триста лет.

ИГОЛКА И НИТКА

— Я вся из стали! Я блещу!

Я за собой тебя тащу!

Я платья шью из бархата и шелка! —

Хвалилась перед Ниткою Иголка.

Но Нитка проскрипела: — Ну и что ж? Ты без меня их не сошьешь.

— А если говорить по чести, —

Сказала спорщицам Швея, —

Конечно, вы нужны, друзья,

Но только вместе.

Лазарь Мартынов

ОТВЕТЫ НАДРИКА

Ребята, в третьем номере была моя фотозагадка. Это я снимал карандаши. В четвертом номере тоже есть загадка. Это хлеб.

Помните головоломку в четвертом номере? Ну так вот, мне художник все объяснил. Кавалерист в буденовке должен сесть на лошадь с военной седловкой, — на эту лошадь по ошибке попал цирковой гимнаст. А гимнасту полагается лошадь с султаном на голове. Наездник-жокей пусть сядет на лошадь с номером, а ковбой в шляпе — на ту лошадь, у седла которой привязан моток веревки — лассо. Останется одна лошадь, и на нее пусть сядет рыцарь в лагах.

Самое лучшее

(Старинный рассказ)

Рисунок А. Кора

Хозяин позвал гостей и обещал накормить их самым лучшим, что только найдется на базаре. Гости пришли и видят: на столе стоят кубки с водой — и больше ничего.

«Как! — обиделись гости. — По-твоему, вода — самое лучшее?»

«Судите сами, — отвечал хозяин. — Пошел я на базар покупать рыбу. Прошу дать самую лучшую, а торговец говорит: «Лучшей рыбы и не найдешь. Сахар, а не рыба!» Смекнул я, что сахар вкуснее, и пошел к торговцу сахаром.

Спрашиваю, хорош ли товар. Торговец расхваливает:

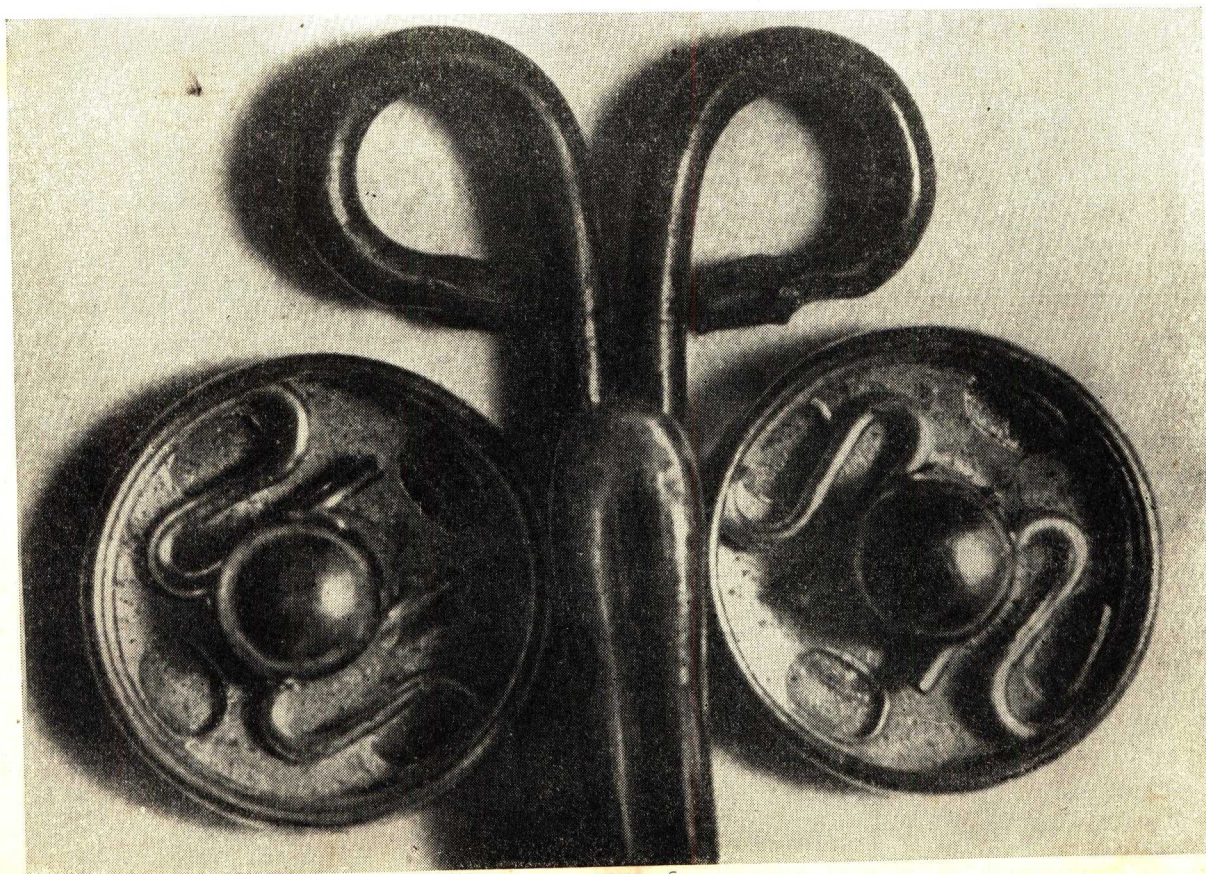
«Замечательный сахар, сладкий, как мед!» Делать нечего, отправился я покупать мед.

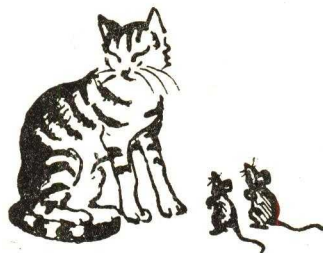
Зашел в лавку, посмотрел на товар, и показался мне мед нехорош. Повернулся я, чтобы уходить, а продавец кричит: «Да ты посмотри, что за мед! Густой, янтарный, как подсолнечное масло!» Стал я искать на базаре подсолнечное масло.

Спрашиваю, хорошее ли. «Лучшее на свете, — говорит торговец, — чистое, прозрачное, как вода».

Вот я и купил воды — самого лучшего, что было на базаре».

ФОТОЗАГАДКА КАДРИКА

ВОПРОСЫ-ШУТКИ

У какого слона нет хобота?

*

На какой опушке не бывает леса?

*

Какой шар совсем не круглый?

*

На каком челноке не переплывешь реку?

*

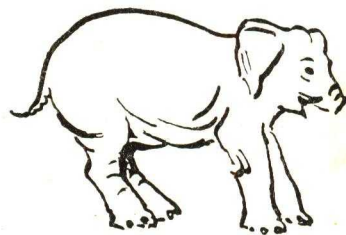
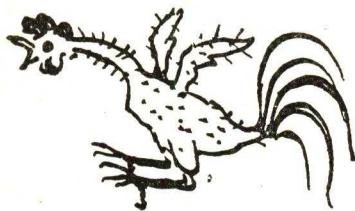
Каким патроном не зарядишь ружья?

*

Какое крыло без перьев?

*

Какая кошка мышей не ловит?

Редактор Г. М. Чернякова

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, Н. С. Косарева, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Теребинская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза.

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий
Корректор В. Г. Любичкая

Технический редактор
А. А. Двораковская
Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-37261. Подписано к печати 13/V 1961 г.
Тираж 240 000 экз.

Формат 84 × 108^{1/16}

Печ. л. 8+2 вкл.
Заказ № 2406.

6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 25 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград, Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

ПИОНЕРСКИЙ ЛАГЕРЬ «НЕСКУЧАЙНИК»

Того

Эфиопия

Берег
Слоновой Кости

Нигерия

Мальгашская
республика

Конго
(бывшее бельгийское)

Объединенная
Арабская республика

Конго
(бывшее французское)

Гвинейская
республика

Камерун

Ливия

Судан

Либерия

Гана

Тунис

Чад

Марокко

Сенегал

По просьбе наших читателей начинаем печатать изображения флагов молодых африканских государств. Вчера эти государства были колониями и полуколониями. Сегодня они добились свободы.